

ISSN 2576-9782

Russian Studies in Culture and Society

Volume 7, Number 3
2023

ISSN 2576-9782

Russian Studies in Culture and Society

Volume 7, Number 3
2023

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2023

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-71857 от 08.12.2017 г.) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9782).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 7, Number 3, 2023

Главный редактор:

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Г.Д. Гриценко, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), **Е.М. Кирюхина**, д-р культурологии (Нижний Новгород, Российская Федерация), **В.Б. Малышев**, д-р филос. наук (Самара, Российская Федерация), **Т.П. Минченко**, д-р филос. наук (Томск, Российская Федерация), **Р.Б. Салморбекова**, д-р соц. наук (Бишкек, Кыргызстан), **Н.В. Серов**, д-р культурологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **Е.В. Хлыщева**, д-р филос. наук (Астрахань, Российская Федерация), **А.Р. Ахметова**, канд. ист. наук (Казань, Российская Федерация), **М.Х. Ахметова**, канд. соц. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **В.М. Большакова**, канд. юр. наук (Нижний Новгород, Российская Федерация), **Т.А. Магсумов**, канд. ист. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **Г.В. Малашин**, руководитель отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии РПЦ (Красноярск, Российская Федерация)

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Подписано в печать 29.09.2023. Дата выхода в свет 29.09.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,97. Тираж 1000 экз. Свободная цена. Заказ RSCS73/2023. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-71857, 08.12.2017) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9782).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 7, Number 3, 2023

Editor-in-Chief:

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociology, Ph.D., Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy (Rostov-on-Don, Russian Federation), **Elena M. Kiryukhina**, Doctor of Culturology (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Vladislav B. Malyshev**, Doctor of Philosophy (Samara, Russian Federation), **Tatyana P. Minchenko**, Doctor of Philosophy (Tomsk, Russian Federation), **Rita B. Salmorbekova**, Doctor of Sociology (Bishkek, Kyrgyzstan), **Nikolay V. Serov**, Doctor of Culturology (St. Petersburg, Russian Federation), **Elena V. Khlyshcheva**, Doctor of Philosophy (Astrakhan, Russian Federation), **Albina R. Akhmetova**, Ph.D. in History (Kazan, Russian Federation), **Milausha Kh. Akhmetova**, Ph.D. in Sociology (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Valentina M. Bolshakova**, Ph.D. in Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Timur A. Magsumov**, Ph.D. in History (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Gennady V. Malashin**, Head of the Department for Interaction of the Church with the Society and Mass Media of the Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Based on the conclusion of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, the journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: editor@csjournal.ru

www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Published by

Science and Innovation Center Publishing House

Approved for printing 29.09.2023. Format 60x84/16. Order RSCS73/2023. The Printing House. 27/24, Presnensky Val Str., Moscow, 123557 Russia

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-4-18

УДК 008.001

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ФОРМАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э.Э. Ибрагимов, И.Э. Авдиль

В статье предложена формализация модели управления культурным наследием, уточнены содержание понятия культурного наследия посредством рассмотрения процессов изучения, сохранения и использования объектов культурного наследия как фактора развития туризма в Российской Федерации, с учетом современных вызовов и возможностей.

Сохранение культурного наследия и его рациональное использование имеют ключевую роль и значение для привлечения туристических потоков и улучшения социально-экономических показателей и устойчивого развития региона. В связи с этим актуализируется значение выделения внутренней структуры процесса управления культурным наследием как фактора развития туризма в РФ.

Цель исследования: *провести формализацию модели управления культурным наследием как фактора развития туризма в Российской Федерации.*

Методология исследования *представлена совокупностью общенаучных и специальных исторических методов научного познания, принципами историзма, научности, системности и комплексности.*

Научная новизна *заключается в попытке комплексного осмысления проблемы изучения, сохранения и использования объектов культурного наследия России на основе анализа исследований современников по тематике с учетом реалий и формализации модели управления культурным наследием как фактора развития туризма.*

Формализована модель управления культурным наследием как фактора развития туризма в Российской Федерации. Основными резервами повышения эффективности управления культурным наследием являются повышение качества турпродукта в сфере культурно-познавательного туризма; сочетание материальной и нематериальной частей культурного наследия; развитие событийности в регионах; создание аутентичной среды в российских туристических локациях; брендирование объектов культурного наследия и территорий их размещения; использование широкого спектра цифровых технологий для продвижения и вовлечения объектов культурного наследия в туристскую индустрию; подготовка профессиональных кадров для работы в индустрии культурно-познавательного туризма.

Ключевые слова: культурное наследие; объекты культурного наследия; управление культурным наследием

Для цитирования. Ибрагимов Э.Э., Авдиль И.Э. Формализация модели управления культурным наследием как фактора развития туризма в Российской Федерации // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 4-18. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-4-18

Original article | Theory and History of Culture and Art

FORMALIZATION OF THE CULTURAL HERITAGE MANAGEMENT MODEL AS A FACTOR OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

E.E. Ibragimov, I.E. Avdil'

The article formalizes the model of cultural heritage management, clarifies the content of cultural heritage cognition by considering the processes of studying, preserving and using cultural heritage objects as a factor in the development of tourism in the Russian Federation, taking into account modern challenges and opportunities.

The preservation of cultural heritage and its rational use have a key role and importance for attracting tourist flows and improving socio-economic indicators and sustainable development of the region. In this regard, the importance of highlighting the internal structure of the cultural heritage management process as a factor in the development of tourism in the Russian Federation is actualized.

The purpose of the study: *to formalize the model of cultural heritage management as a factor of tourism development in the Russian Federation.*

The research methodology *is represented by a set of general scientific and special historical methods of scientific cognition, the principles of historicism, scientific, systematic and complex.*

The scientific novelty *consists in an attempt to comprehensively comprehend the problem of studying, preserving and using Russian cultural heritage objects based on the analysis of contemporary research on the subject, taking into account modern realities and formalizing the model of cultural heritage management as a factor in the development of tourism.*

The model of cultural heritage management as a factor of tourism development in the Russian Federation is formalized. The main reserves for improving the efficiency of cultural heritage management as a factor of tourism development are improving the quality of tourist products in the field of cultural and educational tourism; combining material and intangible parts of cultural heritage; developing eventfulness in the regions; creating an authentic environment in Russian tourist locations; branding cultural heritage sites and territories of their placement; using a wide range of digital technologies to promote and involve cultural heritage objects in the tourism industry; training professional personnel to work in the cultural and educational tourism industry.

Keywords: *cultural heritage; cultural heritage objects; cultural heritage management*

For citation. *Ibragimov E.E., Avdil' I.E. Formalization of the Cultural Heritage Management Model as a Factor Of Tourism Development in the Russian Federation. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 4-18. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-4-18*

В условиях развития российского общества и национального самосознания объекты культурного наследия выполняют социальную миссию, закладывая основу для всестороннего изучения и переосмысления предыдущих периодов развития в истории и культуре России. Учитывая количество объектов культурного наследия, Российскую Федерацию можно отнести к странам с богатым историко-культурным прошлым. По данным «Свободного всемирного путеводителя Викигид», по состоянию на 01 июля 2023 г. в России насчитывается 212 218 объектов культурного наследия федерального и регионального значения, что на 338 объектов больше, чем в 2021 г. [5, 6]. 31 объект культурного наследия России входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Объекты культурного наследия являются источником научных исследований и генерации новых знаний, теорий и гипотез, которые формируют сознание общества, закладывают основы его мировоззрения, влияют на чувство национального достоинства, создают фундамент для дальнейшего развития, признания мировым сообществом и взаимовыгодного сотрудничества с его ведущими субъектами [7].

В условиях геополитической нестабильности и возрастания количества внешних вызовов в российском обществе актуализируется роль культурного наследия как важнейшего звена, соединяющего прошлое с современностью и являющегося средством патриотического воспитания и формирования национального самосознания, закладывающего основу для изучения отечественной истории и культуры, а также понимания собственной уникальности и самобытности.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. под влиянием процессов демократизации в России концепция охраны памятников истории и культуры эволюционировала в комплекс мероприятий по изучению, интерпретации и использованию культурного наследия, став основой его современной концепции. В конце 1990-х гг. социальный статус и общественная значимость культурного наследия существенно повысились, а проблемы его изучения, сохранения и использования приобрели большую актуальность. Культурное наследие выполняет

в обществе ряд функций: познавательную, воспитательную, научную и эстетическую. Обеспечивая через них свое сбалансированное развитие, оно помогает осмыслить историческое прошлое народов России и современность [7, 8].

Своевременное изучение, оценка и бережное использование ресурсов культурного значения дают и экономический эффект, поскольку данные объекты, являясь частью национального богатства, имеют высокое стоимостное выражение, сравнимое с другими стратегическими ресурсами страны. Культурное наследие - это основа для развития многих отраслей экономики, основной из которых является туристическая индустрия и, прежде всего, культурно-познавательный туризм.

Интерес туристов к объектам историко-культурного наследия в регионе дает толчок для устойчивого развития территорий Российской Федерации: помимо значительных экономических возможностей, региональное сообщество испытывает чувство гордости за свою историю, что побуждает к сохранению истории и связанных с ней артефактов. Осознание ценности культурного достояния повышает уважение к окружающему пространству (рост экологического и национального сознания), активизирует общественную жизнь, усиливает чувство локальной идентичности. Постоянное расширение диапазона объектов культурного наследия и культурных явлений, включаемых в туристические маршруты, увеличивает круг заинтересованных субъектов на этом рынке, положительно влияя на процесс демократизации как самого культурного туризма, так и туристских территорий, предлагающих услуги в данном сегменте. Реализация программ по использованию культурного наследия региона в туризме может решить проблему сезонного колебания спроса путем предложения различных форм туризма в межсезонье, которые предусматривают использование элементов культуры [12].

Туризм можно рассматривать как эффективный фактор, способствующий ознакомлению с культурным наследием. Большинство ученых, работающих в этой сфере, считают, что богатство культурного наследия должно использоваться путем создания добавленной стоимости

культурными ценностями. Привлечение достопримечательностей в туристическую деятельность обеспечивает включение объектов культурного наследия в социокультурную сферу как своеобразное проявление человеческой деятельности, которое необходимо сохранить для будущих поколений [1, 7].

Многие исследователи культурного наследия утверждают, что наибольшую роль в популяризации и охране культурного наследия играет фактор туризма [11, 12]. Экономический потенциал культурного наследия может и должен быть использован в современной экономической системе, так как вовлечение памятников истории и культуры в туристскую сферу дает возможность получить средства для их содержания, реставрации или ремонта. Специфика формирования объектов культурного наследия заключается также в том, что приоритетными в этом процессе становятся потребности клиента (собственника или пользователя).

Анализ практики учета и институциональной принадлежности объектов культурного наследия показал, что объекты могут быть в разном подчинении и принадлежать разным ведомствам. Это усложняет процессы их менеджмента, в том числе и формирование туристического продукта, требует согласованных механизмов координации. С другой стороны, туризм не может рассматриваться как единственный механизм сохранения культурного наследия. Благодаря консолидации усилий государственных и общественных организаций, субъектов туристической деятельности может быть достигнута общая цель по сохранению объектов культурного наследия. Считаем, что разработка моделей управления объектами культурного наследия должна происходить путем консолидации усилий основных заинтересованных субъектов данного процесса [1, 3].

Рассматривая специфику организации изучения, сохранения и использования объектов культурного наследия в России, отметим, что в 2023 г. в стране появится федеральная структура по сохранению объектов культурного наследия - Федеральный научно-методический совет. Законопроект о статусе этой организации Госдума приняла в первом чтении на пленарном заседании 28 июня 2023 г. Планируется

закрепить правовой статус Федерального научно-методического совета по сохранению и государственной охране памятников истории и культуры в ФЗ «Об объектах культурного наследия». Утверждать положения о Совете, а также его состав будет Министерство культуры РФ [9].

Идея о появлении данной структуры не нова. В 1965 году приказ о создании аналогичной структуры в составе Управления изобразительных искусств и охраны памятников подписала министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Главной задачей совета было изучение памятников, их классификация, совершенствование методов реставрации.

Организация по сохранению памятников истории и культуры есть и в современной России. Более десяти лет назад при Минкультуры РФ создали Научно-методический совет по культурному наследию, который и получит статус Федерального совета. Решения действующего совета носят рекомендательный характер. Предполагается, что за советом в новом статусе закрепят функцию научно-консультативного сопровождения.

Появление Федерального совета особенно актуально поскольку в ближайшее время количество памятников истории и культуры в России увеличится за счет включения в единый реестр объектов в новых регионах.

Следует также упомянуть о представленности проблематики культурного наследия в национальном проекте «Культура», поскольку основы государственной культурной политики в РФ определяют культурное наследие одним из приоритетов развития. Ведомственные проекты «Возрождение исторических усадеб», разрешающий привлечение частных инвесторов к их сохранению, будут способствовать возрождению и дальнейшему использованию их в культурно-досуговых, туристско-рекреационных, музейных, образовательных целях.

«Волонтеры культуры» – еще одна госпрограмма в рамках национального проекта «Культура», поддерживающая добровольческие движения, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации. Например, в Псковской области реализован пилотный проект «Практическая сессия «Волонтеры

наследия» по воссозданию исторического облика территорий, прилегающих к объектам культурного наследия Печоры и Изборска путем консолидации усилий активистов вместе с региональными властями, градозащитными объединениями, ремонтирующими объекты культурного наследия и благоустраивающими территории. Благодаря данной программе на 11 тысячах объектов культурного наследия РФ прошли работы по их сохранению [5].

Интересен опыт использования и охраны объектов культурного наследия, реализуемый в Республике Крым. В Крыму создан мониторинговый центр культурного наследия «ОКНО», призванный наладить системную работу по выявлению в республике памятников истории и культуры, оказывать помощь гражданам в постановке популярного у туристов или находящегося под угрозой уничтожения объекта под государственную охрану.

Необходимость функционирования структуры, позволяющей системно и оперативно выявлять объекты культурного наследия, остро проявилась в Крыму в мае 2022 года, когда сносили дом архитектора Николая Краснова в Ялте. Несмотря на очевидную историческую и архитектурную ценность объекта, его не удалось сохранить, поскольку у дома не было охранного статуса. Поэтому в современных условиях возрастает актуальность консолидации усилий всех заинтересованных сторон в вопросах охраны объектов культурного наследия.

В деятельности центра «ОКНО» будут принимать участие члены Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), а также представители студенческого волонтерского движения «Волонтеры культуры». Центр «ОКНО» призван помочь спасению значимых исторических объектов. Для этого его фотографии и описание нужно загрузить в форму обращения на сайте Крымского отделения ВООПИК, общественники которого подготовят обоснование для включения объекта в реестр и соответствующее обращение в Минкультуры Крыма [6].

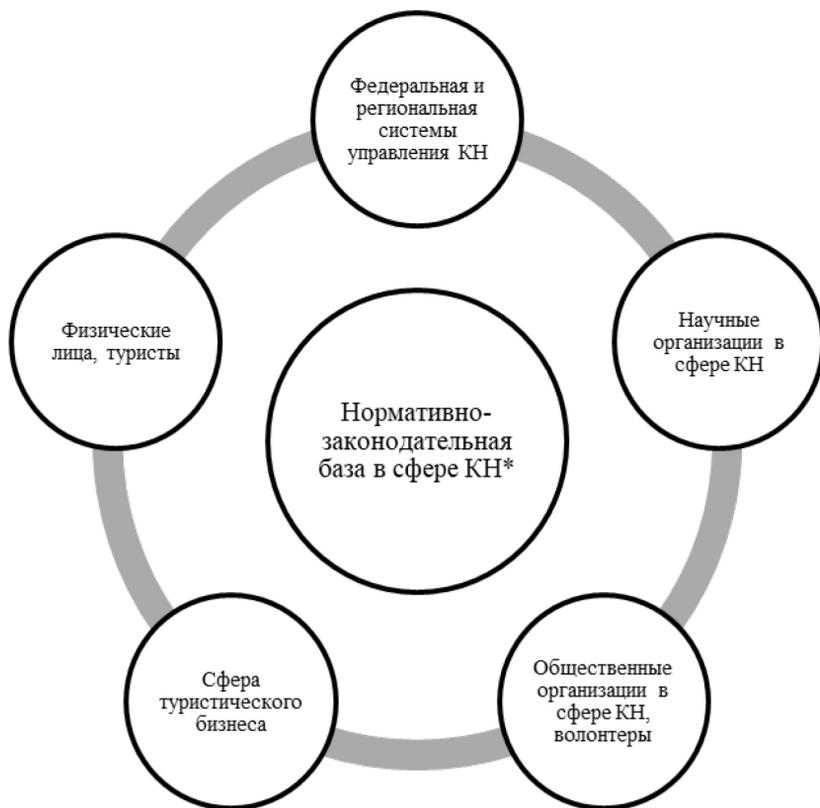
Приведенные примеры взаимодействия органов власти, общественных организаций, гражданского общества демонстрируют объективную необходимость формирования механизмов взаимо-

действия заинтересованных сторон и субъектов вокруг культурно-исторических объектов или достопримечательностей как центров туристической активности. Оно способствует образованию особой социокультурной среды, в значительной мере определяющей поведение и предпочтения туристов и обеспечивающей сохранность элементов культурного наследия.

Рассмотренный механизм взаимодействия является базисом для формирования организационной модели управления объектами культурного наследия как фактора развития туризма в Российской Федерации, основополагающей основой функционирования которой является нормативно-законодательная база РФ и регионов. Именно она обеспечивает взаимодействие всех субъектов и участников данной системы: государственной системы управления культурным наследием; научных организаций в сфере культурного наследия; институтов гражданского общества и общественных организаций в сфере культурного наследия; субъектов туристического бизнеса, физических лиц.

Анализ практики взаимодействия вышеперечисленных структур дает возможность сформировать организационную модель управления культурным наследием как фактора развития туризма в Российской Федерации (рис. 1).

Рассматривая отечественный опыт организации взаимодействия вышеперечисленных субъектов в сфере обеспечения использования и сохранения культурного наследия как фактора развития туризма, следует выделить основные формы государственно-частного партнерства, применение которых возможно в сфере культуры в Российской Федерации: приватизация недвижимых объектов культурного наследия; аренда и безвозмездное пользование объектами культурного наследия; безвозмездная передача в собственность объектов культурного наследия (в частности, культовых зданий и сооружений с относящимися к ним земельными участками и иного имущества религиозного назначения религиозным организациям); доверительное управление объектами культурного наследия; концессия; аутсорсинг (выполнение работ и оказание услуг); инвестиционные соглашения.

*КН – культурное наследие

Рис. 1. Модель управления культурным наследием как фактора развития туризма в Российской Федерации

Источник: составлено автором

Говоря о перспективах и резервах повышения эффективности развития внутреннего туризма в РФ в условиях глобальных вызовов, экономических санкций, цифровизации туристической отрасли и индустрии гостеприимства путем актуализации роли в этих процессах культурного наследия страны, следует выделить ряд приоритетных направлений:

- повышение качества туристического продукта путем включения в туристические маршруты и программы новых, восстановленных и

популярных объектов культурного наследия, но позиционируемых в новом контексте путем использования инновационных инструментов продвижения на целевые рынки;

- внедрение эффективных инструментов сочетания материальной и нематериальной частей культурного наследия посредством включения интерактивных компонентов в программы культурно-познавательных туров и маршрутов;

- развитие событийности в регионах Российской Федерации как дополнительного фактора привлечения туристов с целью популяризации объектов культурного наследия и развития внутреннего туризма в РФ;

- создание аутентичной среды в российских туристических локациях. Это мировой тренд – «живи как местные». Туристы ищут аутентичный опыт «местной жизни», посещают объекты, популярные у местных жителей. Персонализация впечатлений и опыта говорит о том, что современных туристов привлекают аутентичные предложения, в том числе связанные с посещением объектов культурного наследия [5];

- брендирование объектов культурного наследия и территорий их размещения с целью популяризации, использования и развития данных объектов в туристской индустрии [10];

- использование широкого спектра цифровых технологий для продвижения и вовлечения объектов культурного наследия в туристскую индустрию;

- подготовка профессиональных кадров для работы в индустрии культурно-познавательного туризма.

Популяризация культурного наследия – важный фактор развития общества, определяющий потенциал использования и охраны культурно-исторических объектов, развитие культурно-познавательного туризма, обеспечивающего устойчивое развитие территорий Российской Федерации, сохранение истории и связанных с ней артефактов.

Продвижение туристического продукта на основе элементов культурного наследия требует комплексного подхода с целью формирования и укрепления культурной идентичности и создания

региональных туристических брендов, обеспечивающих стабильность туристских потоков и улучшения социально-экономических показателей регионов.

Взаимодействие органов власти, общественных организаций, гражданского общества для решения вопросов сохранения и использования объектов культурного наследия как фактора развития туризма формирует механизм, обеспечивающий образование особой социокультурной среды, определяющей поведение и предпочтения туристов и обуславливающий сохранность элементов культурного наследия РФ.

Список литературы

1. Анализ существующей политики в области сохранения и регенерации объектов культурного наследия / А. А. Старицына, Е. А. Мартыненко, С. В. Вахрушева, И. С. Птухина // StudArctic Forum. 2017. Т. 1, № 5. С. 1-14.
2. Верна В. В. Развитие индустрии туризма Российской Федерации в условиях глобальных экономических вызовов // Индустрия туризма и сервиса: состояние, проблемы, эффективность, инновации: Сборник статей по материалам IX Международной научно-практической конференции; Нижний Новгород, 28 апреля 2022 года. Нижний Новгород: НГПУ имени Козьмы Минина, 2022. С. 17-19.
3. Жамбровский В. М., Лачина Е.А. Вопросы взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти в сфере сохранения объектов культурного наследия (на примере Владимирской области) // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 3(44). С. 71-74.
4. Ибрагимов Э. Э., Верна В. В., Скараник С. С. Туристская отрасль Республики Крым: актуальные проблемы и перспективы развития // Форпост науки. 2022. № 4(62). С. 11-19.
5. Карелина А.А. (Не) аутентичные туристические достопримечательности: как китайские туристы воспринимают российский «фейкзор» // Социологическое обозрение. 2021. №2. С. 138-156.
6. Культурное наследие России/Статистика [Электронный ресурс] // Интернет-портал Свободного всемирного путеводителя Викигид.

- URL: https://ru.wikivoyage.org/wiki/Культурное_наследие_России/Статистика (дата обращения: 10.06.2023).
7. Лисицкий А. В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Российская академия Государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2004. 151 с.
  8. Мазуров Ю. Л. Природное и культурное наследие как фактор развития природопользования: вопросы методологии и практики управления: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2006. 28 с.
  9. Объекты культурного наследия пересчитали [Электронный ресурс] // Официальный сайт российского информационного агентства «Победа РФ». URL: <https://pobedarf.ru/2023/04/19/obekty-kulturnogo-naslediya-pereschitali/> (дата обращения: 10.06.2023).
  10. Славкина Т. Брэндинг объектов культурного наследия и стратегическое планирование на примере памятников культуры // Мир искусств: Вестник Междунар. ин-та антиквариата. 2014. Вып. 1 (05). С. 130-137.
  11. Blake J. On Defining the Cultural Heritage // The International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49, No. 1. P. 61-85.
  12. Howard P. Heritage: management, interpretation, identity. Continuum: London, 2003. P. 104–109.

References

1. Analiz sushhestvuyushhej politiki v oblasti sokhraneniya i regeneracii ob`ektov kul`turnogo naslediya [Analysis of the existing policy in the field of preservation and regeneration of cultural heritage objects]/ A. A. Staricyna, E. A. Martynenko, S. V. Vaxrusheva, I. S. Ptukhina. *StudArctic Forum*, 2017, vol. 1, no. 5, pp. 1-14.
2. Verna V. V. Razvitie industrii turizma Rossijskoj Federacii v usloviyakh global`nykh ekonomicheskikh vyzovov [Development of the tourism industry of the Russian Federation in the context of global economic challenges]. *Industriya turizma i servisa: sostoyanie, problemy, effektivnost`, innovacii: Sbornik statej po materialam IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii; Nizhnij Novgorod, 28 aprelya 2022 goda* [Tourism and service industry: state, problems, efficiency, innova-

- tions: Collection of articles based on the materials of the IX International Scientific and Practical Conference; Nizhny Novgorod, April 28, 2022]. Nizhny Novgorod: NGPU imeni Koz'my' Minina, 2022, pp. 17-19.
3. Zhambrovskij V. M., Lachina E.A. Voprosy vzaimodejstviya institutov grazhdanskogo obshhestva i organov gosudarstvennoj vlasti v sfere sokhraneniya ob'ektov kul'turnogo naslediya (na primere Vladimirskoj oblasti) [Issues of interaction between civil society institutions and state authorities in the field of preservation of cultural heritage objects (on the example of the Vladimir region)]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, 2017, no. 3(44), pp. 71-74.
  4. Ibragimov E.E., Verna V. V., Skaranik S. S. Turistskaya otrasl' Respubliki Krym: aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya [Tourism industry of the Republic of Crimea: current problems and development prospects]. *Forpost nauki*, 2022, no. 4(62), pp. 11-19.
  5. Karelina A.A. (Ne) autentichny'e turistichekije dostoprimechatel'nosti: kak kitajskie turisty' vosprinimayut rossijskij «fejklor» [(Not) authentic tourist attractions: how Chinese tourists perceive Russian “fake news”]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2021, no. 2, pp. 138-156.
  6. Kul'turnoe nasledie Rossii/Statistika [Cultural Heritage of Russia/Statistics]. *Internet-portal Svobodnogo vseirnogo putevoditelya Vikigid*. https://ru.wikivoyage.org/wiki/Kul'turnoe_nasledie_Rossii/Statistika
  7. Lisickij A. V. *Kul'turnoe nasledie kak resurs ustojchivogo razvitiya: dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01* [Cultural heritage as a resource for sustainable development]. Moscow, 2004, 151 p.
  8. Mazurov Yu. L. *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie kak faktor razvitiya prirodopol'zovaniya: voprosy metodologii i praktiki upravleniya: avtoref. dis. ... d-ra geogr. nauk: 25.00.24* [Natural and cultural heritage as a factor in the development of environmental management: issues of methodology and management practice]. Moscow, 2006, 28 p.
  9. Ob'ekty kul'turnogo naslediya pereschitali [Objects of cultural heritage have been recalculated]. *Pobeda RF*. <https://pobedarf.ru/2023/04/19/obekty-kulturnogo-naslediya-pereschitali/>
  10. Anastasovitis E., Roumeliotis M. Creative Industries and Immersive Technologies for Training, Understanding and Communication in Cultural

Heritage. In *Proceedings 8th International Conference on Digital Heritage focusing on Documentation, Preservation and Protection (EuroMED-2020)*, 02-05 November 2020, Cyprus: Springer, 2020. P. 119–127.

11. Blake J. On Defining the Cultural Heritage. *The International and Comparative Law Quarterly*, 2000, vol. 49, no. 1, pp. 61-85.
12. Howard P. *Heritage : management, interpretation, identity. Continuum*: London, 2003. P. 104–109.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ибрагимов Эрнест Энверович, доктор экономических наук, доцент
ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
ул. Киевская, 39, г. Симферополь, 295017, Российская Федерация
joos@bk.ru

Авдиль Ибраим Эннанович, аспирант
ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
ул. Киевская, 39, г. Симферополь, 295017, Российская Федерация
housedoll@rambler.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Ernest E. Ibragimov, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
39, Kievskaya Str., Simferopol, 295017, Russian Federation
joos@bk.ru

Ibraim E. Avdil', graduate student
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
39, Kievskaya Str., Simferopol, 295017, Russian Federation
housedoll@rambler.ru

Поступила 04.07.2023

После рецензирования 25.07.2023, 02.08.2023

Принята 08.08.2023

Received 04.07.2023

Revised 25.07.2023, 02.08.2023

Accepted 08.08.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-19-34

УДК 821.111

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЙ ПОЭТ: МАГ, ПРОВИДЕЦ ИЛИ СКАЗИТЕЛЬ

Д.А. Ильгова

Настоящее исследование ставит целью рассмотреть структуру древнеирландской поэзии на примере нескольких принципов ее разделения: по времени, функции поэта и адресату поэтического послания.

*В качестве основных **материалов исследования** используются древнеирландские саги, которые содержат поэтические элементы, а также зарубежные и отечественные исследования в области кельтологии, затрагивающие вопросы развития древнеирландской поэзии.*

***Актуальность исследования** обусловлена тем, что взаимоотношения друидов, филидов и бардов в древнеирландской поэзии четко не установлены и являются предметом научной дискуссии и многих интерпретаций.*

***Методология исследования** заключается в использовании метода сравнительного анализа древнеирландской поэзии, в ходе которого рассматривается смена влияния поэтических групп (друидов, филидов и бардов). Понимание этой смены также невозможно без анализа историко-культурного контекста (христианизация Ирландии, набеги викингов, ослабление монастырского уклада жизни и другие социальные и культурные аспекты).*

***В результате** проведенного исследования установлено, что вместе с изменением влияния меняется и адресат поэтического произведения: от обращений к высшим силам друидов – к провидческим ритуалам филидов – и далее к более широкой аудитории бардов.*

Результаты исследования позволяют более широко взглянуть на проблему становления древнеирландской поэзии не только в литературоведческом плане, но и с точки зрения развития культуры.

Ключевые слова: древнеирландская поэзия; друид; филид; бард; адресат в поэзии; провидческий ритуал

Для цитирования. Ильгова Д.А. Древнеирландский поэт: маг, провидец или сказитель // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 19-34. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-19-34

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE OLD IRISH POET: MAGICIAN, SEER OR STORYTELLER

D.A. Ilgova

The purpose of the study is to consider the structure of Old Irish poetry by the example of several principles of its division: by time, the function of the poet and the addressee of the poetic message.

The main research materials used are Old Irish sagas, which contain poetic elements, as well as foreign and Russian research in the field of Celtology, affecting the development of Old Irish poetry.

The relevance of the research is due to the fact that the relationship of druids, filids and bards in Old Irish poetry is not clearly established and is the subject of scientific discussion and many interpretations.

The methodology of the research consists in using the method of comparative analysis of Old Irish poetry, during which the change of influence of poetic groups (druids, filids and bards) is considered. Understanding this shift is also impossible without analyzing the historical and cultural context (the Christianization of Ireland, Viking raids, the weakening of the monastic way of life and other social and cultural aspects).

As a result of the conducted research, it was found that along with the change in influence, the recipient of the poetic text also changes: from appeals to the higher powers of the druids – to the visionary rituals of the filids – and further to a wider audience of bards.

The results of the research allow us to take a broader look at the problem of the formation of Old Irish poetry not only in literary terms, but also from the point of view of cultural development.

Keywords: *Old Irish poetry; druids; filids; bards; poetry recipient; prophetic ritual*

For citation. *Ilgova D.A. The Old Irish Poet: Magician, Seer or Storyteller. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 19-34. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-19-34*

Споры о природе поэтического, сути поэзии, её толковании и предназначении не утихают на протяжении многих веков. Поэзия толкуется, с одной стороны, с точки зрения языка, формы, строфы, строки, а с другой стороны, на уровне смысла, особого поэтического знания. Ироничное определение С.Т. Кольриджа о лучших словах в лучшем порядке охватывает лишь механическую часть поэтического творчества, но не отвечает на один из самых важных вопросов: для кого написано стихотворение? кому предназначается поэзия?

Отвечая на этот вопрос, можно выделить несколько категорий адресатов, к которым прямо или косвенно обращается автор. В первую очередь, поэзия может трактоваться как некий способ обращения к высшим силам, к божественному проявлению. В критическом комментарии о поэтическом творчестве Г. Русакова И. Меламед отмечает, что «в конце концов, почти вся настоящая поэзия, начиная с псалмов – разговоры с Богом» [7, с. 20]. Возможность такого диалога зачастую наделяет поэта некоторым провидческим знанием. Таким образом поэт обращается к богу и прозревает себя и мир через это обращение. Наиболее точно подобное божественное восприятие поэта и возможность божественного диалога иллюстрирует стихотворение А.С. Пушкина «Пророк»:

И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих *зениц* коснулся он.
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.
<...>

И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, *и виждь*, и внемли,
Исполнись волею моей...» [11, с. 146].

Еще один адресат, к которому может обращаться поэт в своем произведении, это он сам и возможность внутреннего диалога, восприятие поэтом самого себя и своего провидческого дара. Например, в стихотворении И. Волгина, где он описывает свою юность с высоты прожитых лет:

Этот мальчик желает пробиться,
Примелькаться, вписаться в строку,
Удостоиться званья провидца,
Очутиться в известном кругу.
<...>

А иначе все эти удачи,
Эти жгучие грезы и сны
Обращаются в поздние плачи –
И уже не имеют цены [3, с. 41].

Последняя категория адресатов в поэзии – это другие люди и восприятие поэтического слова и провидческого знания другими людьми. Переход от божественного пророческого дара к бытовому, житейскому опыту можно наблюдать на примере двух стихотворений Е. Винокурова. В первом стихотворении Е. Винокуров будто бы отвечает на пушкинского «Пророка»:

Мне грозный ангел лиры не вручал,
рукоположен не был я в пророки,
я робок был, и из других начал
моей подспудной музыки истоки [2, с. 76].

А уже в собственном стихотворении «Пророк» Е. Винокуров показывает читателю картину восприятия поэта другими людьми, его близкими и друзьями:

И вот я возникаю у порога...

Меня здесь не считают за пророка!

Я здесь как все. Хоть на меня втроем

Во все глаза глядят они, однако

Особого провидческого знака

Не могут разглядеть на лбу моем [1, с. 24].

Таким образом, провидческая поэтическая картина мира может условно разделяться на категории в зависимости от адресата:

- поэт обращается к богу и прозревает себя и мир глазами бога через это обращение;
- поэт обращается к себе и прозревает себя и мир через призму собственного восприятия;
- поэт обращается к другим людям и прозревает себя и мир глазами других людей.

Но является ли данная модель жизнеспособной только для русской поэзии, или она может представлять собой некую уникальную формулу и для других культур и эпох, в том числе и древнеирландской?

Трехчастная система разделения для Древней Ирландии является одной из базовых. Это подтверждается многими примерами из древнеирландской литературной традиции. Например, в саге Уладского цикла «Бой Кухулина с Фердиадом» противники сражались три дня перед решающей схваткой, при прощании после каждого дня битвы они обнимались и трижды целовались.

Что же касается поэтического знания, то в этой же саге королева Медб, которая не могла честным путём уговорить Фердиада пойти против дружбы на бой с Кухулином, посылает:

«na drúith 7 na glámma 7 na crúadgressa ar «друидов, заклинателей и злых певцов к
(||) cend Fir diad, ar con demtáis téor(a) aéra Фердиаду, чтобы они спели ему три цепе-
fossaigthe dó, 7 teora glamma dicend, go нящие песни и три злых заклинания и на-
tócbaitis teora bolga bar a agid» [16, S. 441]. слали три нарыва на его лицо» [5, с. 100].

Э. Виндиш считает, что «glámma» и «gressa» в данном случае могут употребляться в переносном смысле. Но кем же был поэт в Древней Ирландии, какой силой он мог обладать и какую роль играл в общественной жизни и структуре? Ответить на этот вопрос однозначно крайне сложно, потому что древнеирландская поэтическая система представляла собой сложный механизм. Нам известно о трех основных категориях поэтов: друиды, филиды и барды.

Слово «друид» (др.ирл. druí, мн.ч. druid) предположительно восходит к и.е. *ueid- «знать», «ведать». Т.А. Михайлова также обращает внимание на то, что «в качестве первого элемента традиционно принято называть и.е. основу, обозначающую дерево: *doru-/*deruo-, имевшую в кельтском специфицирующее значение – «дуб» (ср. др.ирл. dair, daur)» [8, с. 90].

Слово «филид» (др.ирл. filí, мн.ч. filid) традиционно возводится к и.е. *wel- «видеть», т.е. «провидец». В.П. Калыгин, опираясь на исследования Р.О. Якобсона, предлагает также иную интерпретацию этимологии этого слова, основанную на соответствии др.ирл. filí первой части имени славянского бога Вел-есь, которое «тем самым входит в круг понятий, связанных с отражением индоевропейских мифологических представлений о потустороннем царстве» [6, с. 17], что является очень важным элементом кельтской культуры и подтверждается многочисленными взаимодействиями филидов с потусторонним миром.

Слово «бард» (др.ирл. bard, мн.ч. baird) предположительно восходит к и.е. основе *gʷer- «хвалить, восхвалять, говорить, рассказывать» и отражает основную функцию этой категории поэтов, которые «сочиняли славословия своим патронам» [6, с. 30].

Взаимосвязь и развитие отношений между друидами, филидами и бардами в исторической и культурной перспективе является сложным вопросом, который находит множество разнообразных трактовок.

Что касается исторической перспективы, здесь мы сталкиваемся с трактовками разной степени глубины в отношении взаимосвязи между друидами, филидами и бардами. Прибегая к очень сильному историческому упрощению, некоторые ученые считают, что друидов с течением времени сменили филиды, а филидов позднее сменили барды. Так, Н.

Сухачев, рассматривая древнеирландскую поэзию VI-X веков говорит о «почти монопольном господстве в ирландской культуре рассматриваемого периода филидов, которые сменили предшествовавших им друидов. <...> В IX-XX вв. филидов, в свою очередь, окончательно вытесняют барды» [12, с. 6]. Это смещение будто бы подтверждает пророчество филида Ферхертне из «Разговора двух мудрецов»:

«Dichrcchnaigfíther fele, dínsemtair po-puil. dibdabtair flathi. dínsemtair gradai, digradaigfíder domnach, díromnaibter litte. dichlannaigfíther filid» [14, p. 44].	«Скромность забудут, станут людей презирать, вождей убивать, статусы забудут, воскресенья отбросят, буквы забудут, поэтов не станет больше» [10, с. 280].
---	---

Однако такая перспектива рассмотрения значительно упрощает и обедняет сложную систему древнеирландской поэзии, так как каждая из категорий древнеирландских поэтов не исчезала без следа в определенный, строго ограниченный период времени. В этом смысле более уместным было бы говорить об усилении или ослаблении степени влияния той или иной категории в определенную эпоху, а также о культурных предпосылках, которые этому способствовали.

Одной из более убедительных возможностей разделения друидов, филидов и бардов является разделение по функции, где друиды предстают как сословие, которое, возможно, обозначало «вначале местных жрецов и лишь позднее получило значение «маг, волшебник, заклинатель» [8, с. 94]. В то время как филиды обладали сакральными знаниями и выполняли функцию советников при королях. Поэзия филидов «утверждала и укрепляла (или, напротив, разрушала) человека (либо какой-нибудь другой объект), его славу, деяния, способности» [6, с. 30] в отличие от бардов, поэзия которых не славилась глубокими знаниями истории и традиций, а была призвана, как было указано выше, прославлять своих покровителей.

Что же касается непосредственно смены степени влияния и увеличение значения той или иной категории в определенный период времени, то здесь необходимо проанализировать исторический и культурный контекст. Одним из наиболее значимых событий, повлиявших на развитие древнеирландской культуры, является христианизация Ирландии, начавшаяся в V веке. Этот процесс наложил

отпечаток и на поэтическую систему. Главное место в поэтической иерархии вместо друидов теперь «занимают филиды, получая тем самым роль культурного лидера. Независимо от того, были ли филиды одной из специализированных групп друидов или представляли собой особый разряд поэтов, перестройка их системы как в смысле организации самой касты, так и технических приемов поэтического ремесла, вероятно, имела место» [Там же, с. 13].

Таким образом, филид находился в некотором промежуточном состоянии, а «владение сакральными приемами поэтического искусства позволяло ему как бы расщеплять реальность прошлого и настоящего, возводя ее к более высокому единству, космическому порядку, хранителями знания о котором уже были друиды» [10, с. 30].

Ослабление роли друидов из-за прихода новой религии находит свое отражение в саге «Исчезновение Кондлы Прекрасного, сыны Конда Ста-Битв», когда в стихах фея-сида предсказывает скорую смену религии друидов. А.А. Смирнов при переводе саги исключил эти стихи как «искажающие смысл саги» [5, с. 171], т.к. они были добавлены в сагу позднее христианским редактором или переписчиком. Возможно, с точки зрения оригинальности и чистоты первоначального замысла саги, это верное решение. Однако для культурного контекста и понимания развития поэтической мысли и причин ее изменения, эти стихи, безусловно, играют свою значительную роль, т.к. указывают на ослабление позиции друидов:

«A Chuind Chetcaithig
 druidecht nís gradaighther
 ar is bec rosoich
 for messu ar tráig máir.
 Firién co n-ilmuinteraib ilib adamraib
 motát-icfa a recht
 conscéra brichta drúad tardechta
 ar bélaib demuin duib dolbthig»
 [17, S. 120].

О Конд Ста-Битв,
 Волшебство друидов в немилости.
 Немного еще – и настанет
 Суд по большому кругу вопросов.
 Праведный, в окружении многих замечательных придет,
 его закон разрушит магический закон друидов
 перед демоном темной магии.

При этом ослабление роли значения филидов и восхождение на вершину поэтического олимпа бардов С.В. Шкунаев также объясняет религиозными мотивами, которые выражаются в «ослаблении типично

ирландского монастырского уклада, вне которого филиды не могли иметь социального и идеологического оправдания. <...> И на смену филидам должно было прийти совершенно иначе ориентированное сословие поэтов. Фигура барда была мыслима при личности, филида же – только при корпорации, друидической или монастырской» [10, с. 30-31].

Еще одной из причин возрастания роли бардов и ослабления значения филидов Н.Л. Сухачев называет «нашествия викингов, скорее всего совпавшие со сменой культурной ориентации внутри ирландского общества» [12, с. 6].

При очень условном обобщении указанных выше тезисов, можно сказать, что смена влияния среди древнеирландских поэтов происходила волнообразно, возводя на вершину волны ту или иную категорию в зависимости от культурного периода и религиозного влияния – от жрецов-друидов к новому религиозному осмыслению филидов и далее – к более бытовому и частному выражению поэтической мысли бардов.

Но что если мы посмотрим на еще одну возможность разделения древнеирландских поэтов и поэтического сознания с точки зрения визуальности и воспользуемся для этого обращением к адресату поэтического произведения.

В первую очередь здесь необходимо обратить внимание на возможность письменной фиксации текста. Как известно, передача знаний друидами осуществлялась только в устной форме без письменного закрепления, как было отмечено еще Цезарем:

«Magnum ibi numerum versuum ediscere dicuntur. Itaque annos nonnulli vicens in disciplina permanent. Neque fas esse existimant ea litteris mandare, cum in reliquis fere rebus, publicis privatisque rationibus, Graecis utantur litteris. Id mihi duabus de causis instituisse videntur, quod neque in vulgum disciplinam efferrī velint neque eos, qui discunt, litteris confisos minus memoriae studere, quod fere plerisque accidit ut praesidio litterarum diligentiam in perdiscendo ac memoriam remittant» [13, S. 251-252].

«Они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти» [4, с. 126].

С течением времени у филидов происходит нарушение этого запрета на записывание поэтических текстов и учений. В.П. Калыгин связывает это изменение не только с распространением письменной христианской культуры, но и с потребностью «клонящейся к упадку касты филидов в фиксации своей доктрины» [6, с. 31]. На письменную традицию филидов также указывают события, описанные в «Битве при Маг Туиред» [Цит. по: 8, с. 112-113]:

«A fisig 7 a fireolaig ar cairthib 7 ar foradaib fis ag deanam a ndraidechta, a filidh ag airem a necht 7 ag scribad a sgel». «Их мудрецы и их люди знания восстали и воспользовались своим знанием, совершая магию, а их филиды воспевали их мощь и записывали (!) повести о них».

В этом плане интересно отметить, что и адресат, и результат поэтического воздействия друидов и филидов значительно отличаются. Это можно проследить на примере следующего диалога из «Битвы при Маг Туиред», когда Луг обращается к Племенам Богини Дану перед битвой с фоморами:

«Os sibse, a druide», ol Luog, «cia cumong?» «— А вы, о друиды, — сказал Луг, — на что вашу власть обратите?»
 «Ni anse», ar na druide, «doberomne cetha tened fo gnuisib no Fomore go nar' fetad fegodh a n-ardou, corusgonot fou cumas iond oicc bet ag imgoin friu». «— Нетрудно сказать, — отвечали они, — на лица фоморов найдем мы потоки огня, так что уж не поднять им головы, когда со всей силой станут разить их герои.»
 «Os tusai, a Corpri meic Etnai», or Luog frie a filid, «cia [cumang] conicid isin cath?» «— А ты, о Кайрпре, сын Этайн, — спросил Луг своего филида, — чем в битве нам сможешь помочь?»
 «Ni anse», ol Corpri, «degen-sai glaim ndicind douib, 7 nus-oerub 7 nus-anfialub, cona gebat frie hócu trie» [15, p. 90]. «— Нетрудно сказать, — молвил Кайрпре, — врагов прокляну я и стану хулить да порочить, так что властью своей отниму у них стойкость в сражении» [10, с. 49].

Как можно увидеть из диалога выше, друиды обещают задействовать некие высшие силы, которые нашьют потоки огня на неприятеля. Соответственно, можно предположить, что в своих поэтических воззваниях друиды призваны обращаться к неким божествам за помощью.

По-другому видится ситуация с филидом Кайрпре. Его оружие уже не высшие силы или боги, но он сам и его слово. В этом смысле,

хотя он и не является адресатом поэтического послания, но в то же время он замыкает его на себе одним, и свое слово делает оружием против врагов. И ему одному подвластно лишить противника стойкости в сражении.

Об этой обращенности филидов больше к себе самим или даже внутрь себя говорят также техники, которыми пользовались филиды в своем поэтическом и пророческом искусстве. Например, особое пограничное состояние *imbas forosnai*, когда в состоянии измененного сознания «поэту-пророку становится доступно тайное знание» [9, с. 79]. Это состояние достигалось путем определенного ритуала, который заключался в поедании сырого мяса (быка, свиньи, собаки или кошки). После чего филид засыпал и во сне ему открывалось тайное знание. Некой разновидностью *imbas forosnai* можно также считать обряд выбора короля – *tarbfeis* (буквально «бычий праздник»). Суть этого обряда заключалась в том, что «из мяса жертвенного быка готовилась похлебка. Ведущий (филид) ел мясо быка и сваренную похлебку, после чего ложился спать. Во сне ему являлся будущий король» [6, с. 18].

Что же касается бардов, то несмотря на то, что они были призваны восхвалять своих покровителей (т.е. обращаться к ним в качестве адресата), все-таки их поэтическое искусство было рассчитано на то, что свою похвалу они сделают достоянием общественности, а не только одного короля. В этом плане можно сказать, что поэзия бардов в большей степени была обращена к другим людям и предназначалась для других людей.

О выходе искусства в более широкие слои населения можно судить также по отрывку из саги «Разговор двух мудрецов», когда Ферхертне пророчествует о будущем:

«*sóifit ceóil co bachlachu*» [14, p. 40]. «Музыка достанется простонародью» [10, с. 279].

Для филида Ферхертне это событие стоит в одном ряду с ужасными катаклизмами (станут пустыми амбары, будет мало доблести, враги будут разорять владения, будет нищета и т.д.), т.к. это означает не просто изменения в музыке, но и во всем искусстве, в том числе

и в поэзии. Это означает закат эпохи филидов и восхождение новой поэтической мысли бардов.

Рис. 1. Джорджоне. Три философа (ок. 1505-1509)

Таким образом, можно сказать, что в плане адресатов древнеирландская поэзия с некоторыми оговорками тоже может быть вписана в триединую формулу:

- друид обращается к высшим силам за помощью (зримое воплощение силы);
- филид обращается вглубь себя (в потусторонний мир) для получения тайного знания (прозрение внутри себя для того, чтобы сделать тайное зримым для других);
- бард обращается к общественности, восхваляя короля (сделать зримой для других жизнь и деяния отдельной личности).

Поэтическое искусство, выраженное в стихотворениях друидов, филидов и бардов, было сосредоточено на том, чтобы сделать зримыми различные аспекты жизни (даже тайное знание) и развивалось не в условиях жесткой конкуренции, когда одни стремились вытеснить других, но в органичном течении истории и культуры.

Если попытаться метафорически изобразить этот процесс, то можно обратиться к картине «Три философа» итальянского художника Джорджоне (Итал. Tre filosofi. Масло, холст. 123 × 144 см. Хранится в Музее истории искусств в Вене, рис. 1).

На картине изображены три поколения философов: умудренный опытом старец, зрелый муж и юноша, сидящий у их ног. Среди возможных трактовок этой картины есть одна, которая объясняет преемственность поколений от древнегреческой философии в лице старца к арабской философии в лице зрелого мужа, а затем к философии Возрождения в лице юноши.

Если перенести эту метафору на древнеирландскую поэзию, то можно сказать, что поэтическая мысль развивалась и передавалась от друидов к филидам и от филидов к бардам, обновляя, дополняя и расширяя поэтический инструментарий и аудиторию.

Список литературы

1. Винокуров Е. Зрелища. М.: Советский писатель, 1968. 128 с.
2. Винокуров Е. Пространство. М.: Советская Россия, 1976. 318 с.
3. Волгин И. Номо poeticus. Стихи о стихах. М.: Академический проект, 2021. 603 с.
4. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Перевод и комментарии акад. М.М. Покровского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 559 с.
5. Ирландские саги / Пер. и коммент. А.А. Смирнова. М: «Альма Матер», 2023. 253 с.
6. Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М.: Едиториал УРСС, 2003. 128 с.

7. Меламед И. Литературные маски: Друзья и родственники Сёмы Штапского. М.: ОГИ, 2020. 252 с.
8. Михайлова Т.А. Сила слова в Древней Ирландии. Магия друидов. М.: «Альма Матер», 2022. 288 с.
9. Михайлова Т.А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М.: Языки славянской культуры, 2004. 192 с.
10. Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вст.ст., коммент. С.В. Шкунаева. М.: «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2022. 335 с.
11. Стихотворения Александра Пушкина / Изд. подгот. Л.С. Сидяков; Отв. ред. Ю. М. Лотман, С. А. Фомичев. СПб.: Наука, 1997. 639 с.
12. Сухачев Н.Л. Филиды и барды. Из древней ирландской поэзии, VI-XII вв. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2007. 144 с.
13. Commentarii De Bello Gallico / Erklärt von F. Kraner. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1989, 424 S.
14. Stokes W. The Colloquy of the two Sages, Immacallam in dà ihuarad / Revue Celtique. Tome XXVI. Paris: Librairie Emile Bouillon, Editeur, 1905, pp. 4-64.
15. Stokes W. The Second Battle of Moytura / Revue Celtique. Tome XII. Paris: Librairie Emile Bouillon, Editeur, 1891, pp. 52-130.
16. Windish E. Die altirische Heldensage Táin bó Cualgne. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1905, 1120 p.
17. Windisch E. Kurzgefasste Irische Grammatik. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1879, 149 S.

References

1. Vinokurov E. *Zrelishcha* [Visions]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1968, 128 p.
2. Vinokurov E. *Prostranstvo* [Space]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1976, 318 p.
3. Volgin I. *Homo poeticus. Stikhi o stikhakh* [Homo poeticus. Verses about verses]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2021, 603 p.

4. *Zapiski Yuliy Tsezarya i ego prodolzhatel'ey o Gall'skoy voyne, o Grazhdanskoy voyne, ob Aleksandriyskoy voyne, ob Afrikanskoy voyne* [Notes of Julius Caesar and his successors on the Gallic War, the Civil War, the Alexandrian War, the African War]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1948, 559 p.
5. *Irlandskie sagi* [Irish legends]. Moscow: Al'ma Mater Publ., 2023, 253 p.
6. Kalygin V.P. *Yazyk drevneyshey irlandskoy poezii* [The language of Old Irish poetry]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003, 128 p.
7. Melamed I. *Literaturnye maski: Druz'ya i rodstvenniki Semy Shtapskogo* [Literary masks: Friends and relatives of Sema Shtapsky]. Moscow: OGI Publ., 2020, 252 p.
8. Mikhaylova T.A. *Sila slova v Drevney Irlandii. Magiya druidov* [The power of the word in Old Ireland. Druid Magic]. Moscow: Al'ma Mater Publ., 2022, 288 p.
9. Mikhaylova T.A. *Khozyayka sud'by: Obraz zhenshchiny v traditsionnoy irlandskoy kul'ture* [Mistress of Destiny: The Image of a woman in Traditional Irish Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 192 p.
10. *Predaniya i mify srednevekovoy Irlandii* [Legends and myths of medieval Ireland]. Moscow: Al'ma Mater Publ.; Gaudeamus Publ., 2022, 335 p.
11. *Stikhotvoreniya Aleksandra Pushkina* [Poems of Alexander Pushkin]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1997, 639 p.
12. Sukhachev N.L. *Filidy i bardy. Iz drevney irlandskoy poezii, VI-XII vv* [Filids and bards. From ancient Irish poetry, VI-XII centuries]. St. Petersburg: «Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr «BLITs» Publ., 2007, 144 p.
13. *Commentarii De Bello Gallico / Erklärt von F. Kraner*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1989, 424 S.
14. Stokes W. The Colloquy of the two Sages, Immacallam in dà ihuarad / *Revue Celtique*. Tome XXVI. Paris: Librairie Emile Bouillon, Editeur, 1905, pp. 4-64.
15. Stokes W. The Second Battle of Moytura / *Revue Celtique*. Tome XII. Paris: Librairie Emile Bouillon, Editeur, 1891, pp. 52-130.

16. Windish E. Die altirische Heldensage Táin bó Cualgne. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1905, 1120 S.
17. Windisch E. Kurzgefasste Irische Grammatik. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1879, 149 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ильгова Дарья Алексеевна, кандидат культурологии, независимый исследователь

dailgova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Daria A. Ilgova, PhD in Cultural Studies, Independent Researcher

dailgova@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4442-0835>

Поступила 02.08.2023

После рецензирования 15.08.2023

Принята 22.08.2023

Received 02.08.2023

Revised 15.08.2023

Accepted 22.08.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-35-60
УДК 316

Научная статья | Социология культуры

ГАБИТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Б.Б. Подгорный

Применяемые сегодня научным сообществом подходы к стратификации населения страны не дают возможности определения интегрированного положения индивида в российском обществе – индивид, занимающий высокое место в одной из стратификаций, может находиться на низком уровне в других стратификациях. Например, представитель «высшего» эшелона научного сообщества по материальным показателям может быть значительно ниже предпринимателя среднего звена. Разработанная нами методика и классификация социальных габитусов населения дает возможность формирования его габитуальной структуры, являющейся объединяющей по отношению к большинству существующих стратификаций. С учетом того, что габитус является величиной практически неизменной, появляется возможность определения и прогнозирования доли населения, выполняющего функцию стабилизации общества, что может стать уточняющей альтернативой нынешним расчетам этой категории населения через принадлежность к среднему классу. Цель исследования – определение габитуальной структуры населения Калининградской области. Теоретическая основа исследования – теория социального пространства П. Бурдьё. Определение социальных габитусов произведено на основании авторского подхода, заключающегося в определении социальных габитусов методом сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала. Основные результаты: Сложившаяся габитуальная структура населения Ка-

лининградской области способствует плавному поступательному движению в социально-экономическом развитии региона. Выполненные расчеты, основанные на габитуальной структуре населения, показали, что пятидесяти пяти процентам населения региона присуща функция социальной стабилизации общества; сорок пять процентов занимают отрицательную или нейтральную позицию.

Ключевые слова: население Калининградской области; направленность диспозиции; эффективный капитал; габитус; габитуальная структура общества

Для цитирования. Подгорный Б.Б. Габитуальная структура населения Калининградской области // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 35-60. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-35-60

Original article | Sociology of Culture

HABITUAL STRUCTURE OF THE KALININGRAD REGION' POPULATION

B.B. Podgorny

The approaches to the stratification of the country's population used today by the scientific community do not make it possible to determine the integrated position of an individual in Russian society - an individual who occupies a high place in one of the stratifications may be at a low level in other stratifications. For example, a representative of the "higher" echelon of the scientific community in terms of material indicators may be significantly lower than a middle-level entrepreneur. Our developed methodology and classification of the population social habitus makes it possible to form its habitual structure, which is unifying in relation to most of the existing stratifications. Taking into account the fact that the habitus is a practically unchanged value, it becomes possible to determine and predict the proportion of the population that performs the function of stabilizing society, which can become a clarifying alternative

to the current calculations of this population category through belonging to the middle class. The purpose of the study is to determine the habitual structure of the Kaliningrad region population. The theoretical basis of the study is the theory of social space by P. Bourdieu. The determination of social habitus was made on the basis of the author's approach, which consists in determining social habitus by comparing the main disposition direction of the respondents and their effective capital. Main results: The existing habitual structure of the Kaliningrad region population to smooth forward movement in the socio-economic development of the region. The performed calculations, based on the population habitual structure, showed that fifty-five percent of the region's population has the function of society social stabilization; forty-five percent are negative or neutral.

Keywords: *population of the Kaliningrad region; orientation of disposition; effective capital; habitus; society habitual structure*

For citation. *Podgorny B.B. Habitual Structure of the Kaliningrad Region' Population. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 35-60. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-35-60*

Введение

Социальная структура населения, являясь составляющей общественной структуры, представляет собой совокупность социальных групп, структурированных по разнообразным признакам неравенства или различия между ними, что определяется их стратификацией. Разновидности стратификации устанавливаются через объективные показатели и субъективные параметры принадлежности к определенной страте. Основное внимание сегодня уделяется социально-экономической стратификации, основанной на неравенстве и представляющейся в сознании большинства населения в виде деления общества на «богатых», «средний класс» и «бедных».

Как правило, в странах с развитой экономикой средний класс – это лица с высшим образованием; нефизическим характером трудовой деятельности; уровнем дохода, позволяющего удовлетворять большую часть как текущих, так и отдаленных потребностей. Предпола-

гается, что представителям среднего класса есть к чему стремиться и одновременно есть что терять. Поэтому, в отличие от бедных, средний класс не склонен к радикализму. Представители среднего класса, осознавая свою принадлежность к нему, реализовывая экономические, общественные, политические, социальные и культурно-образовательные функции, должны осуществлять социальную стабилизацию общества через поддержку существующего государственного устройства, позволившего им достигнуть их положения. В качестве «эталонных» приняты модели социально-экономической стратификации в виде «ромба», в которых большинство населения относится к среднему классу и является основой стабильности и развития общества. Чем больше он, тем меньше вероятность того, что общество будут сотрясать революции, межнациональные конфликты, социальные катаклизмы.

Кроме социально-экономической стратификации рассматриваются и другие виды стратификаций, основанных как на неравенстве, например: доступность информационных технологий; положение во властно-государственных иерархиях; культурная стратификация; так и на различии: политические предпочтения; религиозные признаки; этнические различия.

Однако представленные действующие стратификации населения и подходы по их построению не дают ответов на ряд вопросов.

Во-первых, можно ли выделить одно интегрированное положение индивида в российском обществе в целом или в отдельном регионе, а не в тех или иных видах стратификации? Так, например, крупнейшие предприниматели могут иметь более низкий статус во властно-государственных иерархиях, чем высшая бюрократия. А представители «высшего» эшелона культурного или научного сообщества по материальным показателям могут быть на очень низком уровне в сравнении с предпринимателями среднего звена. При этом статистический подход методом усреднения статусов в различных видах стратификации в данном случае невозможен.

Во-вторых, какое количество населения в России или в отдельных ее регионах действительно является стабилизатором общества?

В-третьих, возникает закономерный вопрос о возможности реального прогнозирования состояния социальной структуры российского общества в целом или в отдельном регионе.

Ответы на поставленные вопросы возможны через определение и структурирование социальных габитусов населения с последующим формированием его габитуальной структуры. Разработанная нами методика и классификация [1] социальных габитусов населения дает возможность построения стратификации общества, являющейся объединяющей большинства существующих стратификаций. А с учетом того, что социальный габитус является величиной практически неизменной, появляется, на основании габитуальных характеристик, возможность определения и прогнозирования доли населения, выполняющего функцию стабилизации общества, что может стать уточняющей альтернативой нынешним расчетам этой категории населения через принадлежность к среднему классу.

Новизна исследования заключается в том, что впервые представлена габитуальная структура населения Калининградской области, как альтернатива используемой сегодня социально-экономической стратификации.

Обзор литературы

В официальных государственных документах и статистических источниках при анализе социальной структуры населения сегодня преимущественное внимание уделяется социально-экономической стратификации и в первую очередь – среднему классу.

Так, согласно прогноза долгосрочного развития Российской Федерации, формирование среднего класса способствует прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов. В качестве основных критериев отнесения российских граждан к среднему классу выделены уровень дохода, который должен составлять свыше 6 прожиточных минимумов; наличие собственности и сбережений; профессионально-квалификационные характеристики; участие в формировании гражданского

общества¹. Также в указанном документе приводятся данные по количеству и прогнозу среднего класса и утверждается, что в 2010 году доля российского среднего класса составляла 22 процента населения; к 2030 году увеличится до 37-52 процентов.

Согласно материалов исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, потенциал российского среднего класса среди занятого населения на основе соответствия требованиям стандартов образования (высшее, неполное высшее и средне-профессиональное), достигает 59,4 процента, а по положению в сфере занятости – 43,2 процента [2]. Также отмечается, что среди экспертного сообщества пока нет единой согласованной позиции относительно конкретного уровня доходов, позволяющего определять принадлежность к средним классам. Наиболее распространена точка зрения о том, что этому уровню соответствует доход в интервале от 3 до 7 прожиточных минимумов.

Результаты анализа эмпирических исследований Центра стратификационных исследований института социальной политики ВШЭ с определением количества и структуры среднего класса, выполненного с использованием метода «по доходам» и социологического подхода [3] показали, что согласно метода по доходам (0,75–2 медианы доходов) к среднему классу можно отнести до 55 процентов населения. Также исследователи Центра обращают внимание на то, что в современной России границей относительного благополучия является уровень, соответствующий примерно 1,25 медианы доходного распределения, и более правильным будет отнести к среднему классу около 33 процентов населения. По критерию профессионального статуса к среднему классу Центром стратификационных исследований отнесено 42,7 процента населения (работающее и неработающее население), по критерию наличия высшего образования – 27,3 процента. Но, в тоже время, всем формальным критериям среднего класса соответствовало не более 8 процентов

---

¹ Средний класс понес новые потери. Газета РБК. № 058 (3225) (2809) Экономика, 26 сентября 2020 года <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/28/5f6dde659a79477e5967a9e9>(дата обращения: 17.06. 2023)

населения – часть лиц, вошедших в состав этой группы по доходам, не имела высшего образования или их профессиональный статус не являлся типичным для среднего класса. В рамках социологического подхода, основанного на самоидентификации, средний класс в России по состоянию на 2019 г. составлял примерно 40% от взрослого населения страны.

Также заслуживает внимания модельный расчет экономистов Высшей школы экономики (ВШЭ) по итогам 2-го квартала 2020 года, согласно которого средний класс уменьшился с 24 до 17,9 процентов работающего населения, соответственно 6,1% представителей российского среднего класса перешли в категорию бедных¹.

Среди эмпирических материалов, непосредственно характеризующих стратификацию населения Калининградской области, мы выделили результаты исследования РИА Рейтинг, согласно которого в 2019 году Калининградская область заняла 45-е место среди 85 субъектов России в рейтинге по численности среднего класса. Под средним классом подразумевались калининградцы, которые могут позволить себе покупку автомобиля и квартиры, соответствующей размеру семьи. При этом хотя бы один человек в семье должен иметь работу, а при наличии кредита у них должно оставаться на одного человека не менее 24 тысяч рублей. По данным исследования, доля семей, которых можно отнести к среднему классу в области, составила 11,2%. До 2023 года прогнозировалось увеличение доли среднего класса примерно в среднем в 1,5 раза или до 15-16 процентов².

Таким образом, количество среднего класса у различных исследователей значительно отличается. Более того, расчеты, выполненные нами по Калининградской области по предложенной в прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ методологии показали, что в 2010 году в Калининградской области ежемесячный доход в 6 и более прожиточных минимумов (около 33756 тыс. рублей)

---

¹ Средний класс понес новые потери. Газета РБК. № 058 (3225) (2809) Экономика, 26 сентября 2020 года <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/28/5f6dde659a79477e5967a9e9>(дата обращения: 17.06. 2023)

² Рейтинг регионов по численности среднего класса РИА Рейтинг. <https://riarating.ru/infografika/20190813/630131892.html> (дата обращения: 19.06. 2023).

имело около 12 процентов населения. А с повышением прожиточного минимума в 2020 году до 11832 рублей по этому параметру к среднему классу можно отнести тех, чей среднедушевой доход превышает 71 тысячу – это около 5 процентов населения.

Также мы проанализировали научные публикации, в которых представлены экономические, общественные, политические, социальные и культурно-образовательные функции, присущи среднему классу и особенности выполнения этих функций российским средним классом [5]. Отмечая, что важнейшей общественной функцией среднего класса является стабилизация общества [6], научное сообщество подчеркивает, что в современной России роль социально-политического стабилизатора выполняет только высшая страта среднего класса. В то же время две другие численно преобладающие страты среднего класса, образующие среднедоходные слои, роль стабилизатора сочетают с ролью дестабилизатора, причем дестабилизирующая роль сильнее заметна у низшей страты среднего класса [7].

Среди региональных исследований, направленных на определение уровня стабилизации общества, важно выделить стратификацию населения по идеологическим предпочтениям в системе социально-политических отношений [8] и исследование электоральных предпочтений жителей Калининградской области [9].

Наряду с социально-экономической стратификацией, уделяется внимание и другим ее видам. Представляет интерес исследование, касающееся территориально-гражданской идентичности населения фронтирных регионов России, к которым относится и Калининградская область [10]. В материалах исследования дана стратификация населения Калининградской области по демографическому и национальному составу, соотношение коренных и некоренных жителей, а также особенности религиозной и национальной идентичности. Перечисленные характеристики также представлены в официальных статистических материалах и дальнейших исследованиях ученых региона на базе официальных материалов.

Так, например, стратификация населения по возрастному признаку отражается в официальной статистике¹ и работах с исследованием различных возрастных групп населения [11; 12].

Национальный состав населения области показан в официальных результатах переписи населения 2010 года; особенности стратификации населения региона по национальному признаку – в исследованиях национально-культурных автономий и национально-культурных сообществ [13; 14].

Особенности религиозной стратификации представлены конфессиональной структурой населения юго-восточной части Балтийского региона на уровне низовых административных единиц [15] результатами исследования отношений учащейся молодежи Калининградской области и православных организаций [16].

Ряд стратификаций характеризует отдельные аспекты жизни населения региона или отдельных групп населения – состояние общественного здоровья населения Калининградской области на муниципальном уровне [17]; экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области [18]; национальную бизнес-элиту Балтийского региона, в том числе и жителей Калининградской области [19]; уровень финансовой грамотности населения региона [20].

Уделяется внимание и стратификации младшего поколения, в том числе основанной на исследовании формирования гражданской позиции, патриотизма, гражданской компетентности [21; 22].

Несомненно, представленные стратификации являются весомой теоретической и прикладной составляющей знаний о социальной структуре населения региона, однако необходима модель с определением интегрированного положения индивида в социальной стратификации; позволяющая выделить часть населения, действительно выполняющего роль социального стабилизатора развития общества; а также дающая возможность прогнозировать реальное изменение социальной структуры.

---

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Население. <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 17.06.2023).

Этим требованиям соответствует стратификация, основанная на различии социальных габитусов, названная нами габитуальной структурой населения. Понимание габитуальной структуры населения дает возможность определить одно интегрированное положение индивида в обществе в целом, а не в тех или иных стратификациях; планировать государственные стратегии и программы, направленных на успешное социально-экономическое развитие отдельных регионов и страны. Также появляется возможность разработки и применения мер, ориентированных на коррекцию возможных действий акторов, соответствующих их габитусам, что является особо ценным в рамках практического применения результатов социологических исследований различной направленности.

Объект исследования: население Калининградской области.

Цель исследования: Определение габитуальной структуры населения Калининградской области.

Для достижения цели исследования поставлены и решены следующие задачи:

1. Определена структура направленности диспозиций и эффективных капиталов населения региона.
2. Сформирована структура социальных габитусов населения Калининградской области.
3. Определено предварительное количество (доля) населения области, которому присуща функция среднего класса по социальной стабилизации общества (ФССО).

Гипотеза исследования: в структуре направленности диспозиций населения Калининградской области не менее 30 процентов составляет направленность «развитие»; среди эффективных капиталов преобладает экономический и социальный; функция социальной стабилизации общества присуща 35-40 процентам населения.

Методология

Теоретическая основа исследования – теория социального пространства П. Бурдьё, согласно которой габитусы являются «органи-

зационным принципом действия, порождающего и унифицирующего основание поступков и мнений» [23, с. 173], «системой устойчивых и переносимых диспозиций, структурированных структур, предрасположенных функционировать в качестве структурирующих структур» [24], а также как «принципы, порождающие и организующие практики» [25, с. 102-103] участников социальных полей. Габитус, согласно Бурдьё, относится к любым действиям и, как правило, является неизменным, выражая один общий принцип, проявляющийся во всех практиках индивида. Таким образом, габитус индивида, в основном сформировавшийся в возрасте до 18 лет, будет стремиться к практикам, «рекомендованных» его габитусом и проявляться во всех его поступках.

Эмпирическая база исследования – комплексное социологическое исследование населения Калининградской области, выполненное под руководством автора статьи в ноябре 2020-2021 году. Исследование проводилось методом анкетного опроса респондентов. Генеральная совокупность – жители Калининградской области в возрасте от 18 лет и старше – 812 тысяч человек; выборочная совокупность – 384 респондента.

Метод выборки – квотный по двум признакам, пол и место жительства (городское / сельское) [26]. Идентичные исследования под руководством автора также проведены в 2020-2021 году в Курской, Тамбовской, Ярославской областях, что дало возможность сравнить габитуальную структуру населения указанных регионов с Калининградской областью.

Определение социальных габитусов выполнено с использованием авторского подхода, заключающегося в определении социальных габитусов методом сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала [27]. Расчет процентного соотношения населения, исполняющего функцию социального стабилизатора, осуществлён эмпирическим путем на основании характеристик социальных габитусов. Обработка результатов, их анализ и сравнение выполнялись с использованием программы SPSS.

Детальные характеристики всех габитусов и детальная габитуальная структура населения Калининградской области представлены в базе данных к настоящей статье¹.

Основные результаты

1. Структура направленности диспозиций населения региона.

Подчеркивая важность направленности диспозиций, мы приведем краткую их характеристику, что далее позволит более наглядно сравнить их соотношение:

– *сохранение* – актер предпочитает сохранять существующий порядок вещей в жизни, придерживаться привычного опыта (в бизнесе, работе, быту, обучении и т.д.);

– *исполнение* – актер предпочитает максимально качественно выполнять поставленные или предложенные задачи (свои собственные, руководства, большинства и т.д.);

– *развитие* – актер предпочитает улучшать, совершенствовать процессы, с которыми он сталкивается (в бизнесе, работе, быту, обучении и т.д.);

– *влияние* – актер предпочитает максимально влиять на процессы, с которыми он сталкивается (в бизнесе, работе, быту, обучении и т.д.);

– *управление* – актер предпочитает возглавлять управление процессами, с которыми он сталкивается (в бизнесе, работе, быту, обучении и т.д.), берет ответственность за принятые решения на себя;

– *дистанцирование* – актер предпочитает там, где это возможно (или осуществимо), быть автономным (независимым) от общественной жизни (в бизнесе, работе, быту, обучении и т.д.).

Подробные результаты по соотношению направленности диспозиций населения исследованных регионов представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в Калининградской области наибольшее количество респондентов (25 процентов) относится к направленной

¹ База данных к статье Б. Подгорного "Габитуальная структура населения Калининградской области" https://sociokursk.ru/?page_id=5209

ности диспозиции «развитие», на втором месте с незначительным отставанием 22,4 процента – направленность «сохранение». Сложившаяся структура направленности диспозиций способствует плавному поступательному движению в социально-экономическом развитии региона.

Таблица 1.

**Направленность диспозиций по населению российских регионов
(в процентах)**

Направленность диспозиций	Калининградская область	Курская область	Тамбовская область	Ярославская область
Сохранение	22,4	20,3	22,3	24,5
Исполнение	16,9	19,5	11,4	15,4
Развитие	25	18,2	31,6	23,2
Влияние	12,5	14,1	10,9	9,1
Управление	16,7	21,1	18,1	12,8
Дистанцирование	6,5	6,8	5,7	15,1

Несколько иное соотношение направленности диспозиций сложилось в других исследованных регионах. Так, в целом население Курской и Ярославской областей более склонно к «сохранению», чем к «развитию», что негативно влияет на социально-экономическое развитие указанных регионов. Также вызывает интерес количество «дистанцирующихся» в Ярославской области – мы предполагаем, что это связано с близостью столичного региона – часть населения работает в Москве, рассматривает Ярославскую область как место временного проживания и настроены на переезд в Москву. В Тамбовской области значительное превышение «развития» над «сохранением», с малым количеством «исполнителей» и превышающих их в 1,5 раза «управленцев», может оказать не очень положительное влияние на развитие региона.

2. Соотношение эффективных капиталов населения. Соотношение эффективных капиталов показывает, какие виды капиталов респонденты считают наиболее важными для себя.

Для наглядности мы также приведем их характеристику:

– *экономический* – любые экономические ресурсы (деньги, товары, имущество, финансовые ресурсы);

– *культурный* – культурный уровень и навыки (навыки, полученные в процессе социализации, умение понимать культуру и человека в ней, особенности своего или иного общества);

– *социальный* – социальные связи и отношения, умение создавать и налаживать необходимые социальные связи;

– *символический* – социальный авторитет и использование каких-либо особых заслуг или таланта (например, особые достижения в спорте (в науке, общественной деятельности и т.д.), которые в силу известности позволяют быстрее добиваться своих целей);

– *человеческий* – собственные опыт и знания (полученные во время обучения, получения образования);

– *административный* – управленческий ресурс (умение управлять людьми, процессами и т.д.);

– *политический* – умение вести «политическую игру», продвигать собственные решения и т.д.;

– *физический* – здоровье и трудоспособность как главный ресурс для реализации запланированных действий.

В таблице 2 представлено соотношение эффективных капиталов населения, имеющее, в зависимости от регионов, свои особенности.

Таблица 2.

Соотношение эффективных капиталов населения (в процентах)

Капитал	Калининградская область	Курская область	Тамбовская область	Ярославская область
Экономический	31,0	36,5	32,4	55,5
Культурный	8,3	6,3	7,3	3,6
Социальный	12,2	11,2	6,7	7,6
Символический	11,2	3,9	3,9	2,9
Человеческий	15,2	9,1	11,9	6,0
Административный	4,9	3,9	4,4	3,8
Политический	6,0	5,7	3,4	2,1
Физический	11,2	23,4	30,0	18,5

Экономическому капиталу (деньги, товары, имущество, финансовые ресурсы) отдает предпочтение 31 процент населения Калининградской области. На втором месте – человеческий капитал – жители

области ценят собственный опыт и знания. Социальный капитал, выражающийся в социальных связях и отношениях, находится только на третьем месте. Как видно из таблицы 2, соотношение эффективных капиталов населения в Калининградской области, также как и направленность диспозиций, отличается от других регионов.

3. Структура социальных габитусов населения.

Анализ результатов исследования позволил определить процентное соотношение габитусов населения Калининградской области. Далее представлена группировка первых десяти типов габитусов населения Калининградской области, составляющих более половины от их общего количества.

Таблица 3.

Группировка первых десяти групп социальных габитусов населения Калининградской области (по убыванию, в процентах от общего количества)

Габитус	Диспозиция	Капитал	Процент от общего количества
Коммерсант	Развитие	Экономический	10,4
Плановик	Сохранение	Экономический	7,3
Менеджер	Управление	Экономический	4,4
Исследователь	Развитие	Человеческий	3,6
Наемник	Исполнение	Экономический	3,6
Хранитель	Сохранение	Социальный	3,6
Идеалист	Исполнение	Символический	3,4
Монополист	Влияние	Экономический	3,4
Службист	Исполнение	Человеческий	3,4
Архивариус	Сохранение	Человеческий	3,1

Как видно из таблицы 3, на первом месте – 10,4 процента от общего количества – находится габитус «коммерсант», сформированный сочетанием диспозиции «развитие» и экономического капитала. Владелец данного габитуса, предпочитая применение или использование экономических ресурсов, стремится внедрять наиболее оптимальные и продвинутые технологии, методы, практики для развития в самых различных отраслях.

На втором месте с результатом 7,3 процента – габитус «плановик», сформированный сочетанием диспозиции «сохранение» и эконо-

мическим капиталом. Владелец данного габитуса предпочитает действия по заранее определенному отработанному и проверенному алгоритму, используя для своих действий экономические ресурсы. Ценит стабильность, в первую очередь – финансовую.

На третьем месте с результатом 4,4 процента – габитус «менеджер», сформированный сочетанием диспозиции «управление» и экономическим капиталом. Габитус нацелен на управление происходящими процессами с преимущественным использованием для этого любых экономических ресурсов.

На четвертом – шестом местах (по 3,6 процента от общего количества) три группы с габитусами «исследователь», «наемник», «хранитель».

Габитус «исследователь» образован диспозицией «развитие» и человеческим капиталом. Может придерживаться эволюционных или революционных идей, при этом способен открывать новые способы, пласты, источники знаний и опыта. Предпочитает выдвигать инновационные идеи.

Габитус «наемник» образован диспозицией «исполнение» и экономическим капиталом. Выполняет поставленные задачи в рамках получения личной выгоды – сколько оплатили, столько и сделал.

Габитус «хранитель» образован диспозицией «сохранение» и социальным капиталом. Его представители характеризуются тем, что считают социальные связи и отношения самоценными, стремятся к сохранению и поддержанию имеющихся связей.

На 7-9 местах с результатом 3,4 процента – габитусы «идеалист», «монополист» и «службист». Габитус «идеалист», образован диспозицией «исполнение» и символическим капиталом. Владельцы данного габитуса поддерживают того, за кем следуют, если верят в идеи лидера. Кроме того, идеалисты обращают внимание не только на идеи, но и на репутацию лидеров. Однако сам «идеалист» редко может быть лидером. Габитус «монополист» образован диспозицией «влияние» и экономическим капиталом. «Монополист» стремится, используя преимущественно экономические ресурсы, к установлению собственных правил для окружающих. Габитус «службист» образован диспозицией «исполнение» и человеческим капиталом. Владельцы

данного габитуса, как правило, являясь добросовестными исполнителями, применяют опыт и знания для реализации чужих идей, направлений, целей. Редко реализуют свои идеи, в силу того, что не склонны к активным действиям по их продвижению и реализации.

На 10 месте – габитус «архивариус», образованный диспозицией «сохранение» и человеческим капиталом. «Архивариус» стремится к сохранению сложившегося института получения знаний и опыта с тем, чтобы избежать социальных потрясений. Информация по всем 48 габитусам – в базе данных к настоящей статье.

Также интерес представляет сравнение структуры габитусов населения Калининградской области со структурой габитусов населения других исследованных регионов. Информация по первым по убыванию группам десяти габитусам населения Калининградской области и сравнение с другими регионами представлены в таблице 4, подробная информация – в базе данных к настоящей статье.

Таблица 4.

Группировка первых десяти габитусов российского населения в разрезе регионов (в процентах от общего количества)

Габитусы / регионы	Калининградская область	Курская область	Тамбовская область	Ярославская область
Коммерсант	10,4	6,5	9,3	11,7
Плановик	7,3	6,3	8,3	14,3
Менеджер	4,4	7,0	7,0	8,1
Исследователь	3,6	2,1	4,7	1,8
Наемник	3,6	8,1	3,1	8,6
Хранитель	3,6	1,6	0,8	2,3
Идеалист	3,4	0,8	0,5	0,3
Монополист	3,4	6,3	3,4	4,7
Службист	3,4	2,6	1,6	0,5
Архивариус	3,1	2,6	1,8	1,6

4. Предварительный расчет процентного соотношения населения с функцией социальной стабилизации общества.

Выполненные расчеты, основанные на габитуальной структуре населения, показали, что 54,4 процента населения Калининградской области поддерживают существующее государственное устройство, действу-

ющую власть и проводимые реформы, что способствует социальной стабилизации общества, 45,6 процента занимают отрицательную или нейтральную позицию. В Ярославской области степень поддержки – 52 процента, в Тамбовской – 55 процентов, в Курской – 50 процентов.

Процентное соотношение и выявленные особенности, направленные на выполнение функции социальной стабилизации, по первых десяти группам габитусов населения Калининградской области приведены в таблице 5. Информация по остальным группам габитусов представлена в базе данных к настоящей статье.

Таблица 5.

Характеристика первых десяти групп габитусов населения Калининградской области в части выполнения функции социальной стабилизации общества

Габитус и доля от общего количества	Выявленные особенности	ФССО (в %)	
		Да	Нет
Коммерсант (10,4%)	Практически все «коммерсанты» поддерживают действующую власть, при этом некоторые из них могут проявлять напускное недовольство теми или иными действиями власти, особенно если это касается их лично - пенсионная реформа, применение ККТ, ужесточение законодательных требований и т.д., находя пути обхода.	100	0
Плановик (7,3%)	Может поддерживать существующее государственное устройство, но является категорическим противником каких-либо изменений. По сути, это некое подобие стабильного «застоя» СССР времен Л.И. Брежнева.	10	90
Менеджер (4,4%)	В качестве социального стабилизатора менеджер будет выступать тогда, когда предпринимаемые действия властных структур совпадают с его интересами или с интересами объекта управления. В противном случае «менеджер» будет являться противником действий государства.	50	50
Исследователь (3,6%)	Обладатели данного габитуса всегда поддерживают изменения, особенно если они имеют научную основу.	100	0
Наемник (3,6%)	Поддержка или не поддержка реформ, изменений, действий властных структур и отношение к происходящим событиям основана на личной выгоде.	50	50
Хранитель (3,6%)	Представители данной группы могут поддерживать инициативы по инновационным или иным изменениям только в случае, если не будут нарушены существующие социальные связи.	25	75

Идеалист (3,4%)	Поддержка возможна в случае понимания действия региональной и федеральной власти в рамках общественного и государственного развития. Также поддержка зависит от репутации лидеров.	50	50
Монополист (3,4%)	Отношение к происходящим событиям, в том числе и на государственном или общественном уровне, зависит от того, вовлечен ли он в этот процесс и имеется ли возможность внедрить предлагаемые им новации и правила.	50	50
Службист (3,4%)	Преимущественно поддерживает действия власти, особенно, если их знания, опыт, умения становятся востребованными.	75	25
Архивариус (3,1%)	В связи с тем, что действия по развитию страны неизбежно сопровождаются инновационными процессами, которые приводят к изменениям в получении знаний, обесцениванию опыта, традиций и сложившихся правил, его поддержка таких инициатив, как и органов власти, очень незначительная.	10	90

Заключение

В заключение мы дадим ответы на вопросы, поставленные в начале статьи.

Во-первых, интегрированное положение индивида в обществе может быть определено его социальным габитусом и местом в габитуальной структуре населения. Формирование габитуса, как источника социального поведения, происходит под влиянием ансамбля субъективных значений совокупности объективных структур в процессе социализации индивида, часть из которых описана нами как отдельные стратификации.

Во-вторых, соотношение направленности диспозиций и эффективных капиталов позволило определить габитуальную структуру населения Калининградской области, дальнейший анализ которой позволил сделать вывод, что функция социальной стабилизации общества присуща 54,4 процента населения Калининградской области. При этом габитуальная структура населения Калининградской области несколько отличается от других исследованных регионов. Так, структура направленности диспозиций населения Калининградской области является, по сути, идеальной для успешного развития региона. Структура эффективных капиталов населения

области также несколько отличается от структуры капиталов населения других исследуемых регионов – наряду с экономическим капиталом, жители области ценят собственный опыт и знания; кроме того, более 8 процентов жителей области в качестве эффективного определяют культурный капитал, выражающийся, в том числе, в умении понимать культуру и человека в ней, а также особенности своего или иного общества.

В-третьих, с учетом того, что габитус является величиной постоянной и, как правило, формируется до 18-летнего возраста, появляется возможность реального прогнозирования состояния социальной структуры российского общества в целом или в отдельном регионе на длительные периоды. Также появляется возможность разработки и применения мер, ориентированных на коррекцию возможных действий акторов, соответствующих их габитусам, что является особо ценным в рамках практического применения результатов социологических исследований различной направленности.

Выдвинутая в начале исследования гипотеза подтвердилась частично. Так, направленность «развитие» в структуре направленности диспозиций составляет 25 процентов, что меньше значения, принятого в гипотезе; экономический капитал находится на первом месте, однако второе место, вопреки гипотезе, занимает не социальный, а человеческий капитал, выражающийся в опыте и знаниях населения; а функция социальной стабилизации общества присуща 54,4 процента населения, что существенно превышает показатель, выдвинутый в гипотезе.

Список литературы

1. Подгорный Б.Б. Габитусы российского населения: методология и классификация // Современные исследования социальных проблем. 2020. № 2. С. 279-301. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-279-301>
2. Бобков В.Н., Одинцова Е. В. Потенциал российских средних классов по образованию и положению в сфере занятости: идентификация и оценка масштабов // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 80-87.

3. Тихонова Н.Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. 2020. Т. 29. № 4. С. 34–56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56>
4. Калининградская область в цифрах. 2021. Статистический сборник в 2 т. Калининград: Калининградстат. 2021. Т. 1. 158 с.
5. Тулина Т.М. «Теоретические» и «реальные» функции среднего класса общества в России // Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки, 2019. № 2 (44). С. 37–46.
6. Семченков А.С. Социально-политическая стабильность в доктринальных документах национальной безопасности России // Философия и общество. 2016. № 2 (79). С. 20–38.
7. Латов Ю.В., Петухов В.В. Выполняют ли российские средние слои роль социального стабилизатора? (по данным социологических опросов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 1–30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.01>
8. Кришталь М.И. Идеологические предпочтения жителей Калининградской области в системе социально-политических отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Том 23. №4. С. 584-599.
9. Кришталь М.И. Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутрирегиональном уровне в 2003–2018 годах // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 99–107. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-9>
10. Задорин И.В. Регионы «рубезжа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2 (89). С. 102–136. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136>
11. Мосейко В.В. Пенсионные стратегии россиян (на примере Калининградской области) // Балтийский экономический журнал. 2020. № 4 (32). С. 62–72.
12. Михайлова Ю.В., Шикина И.Б., Сибурина Т.А., Чухриенко И.Ю., Михайлов А.Ю., Элизов И.А. Основные жизненные ценности и

- потребности, определяющие качество жизни сельского населения старше трудоспособного возраста Калининградской области // Менеджер здравоохранения. 2020. № 8. С. 41–48.
13. Зимовина Е.П. Белорусское население Калининградской области: миграции и сохранение этнокультурных традиций // Питання мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. 2014. №17. С. 212–219.
  14. Зимовина Е.П. Литовское население Калининградской области: миграции и сохранение этнокультурных особенностей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2016. № 5. С. 117–126.
  15. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 92–108. <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2019-1-7>
  16. Живенок Н.В. Роль православия в жизни учащейся молодежи (на материалах социологических исследований в Калининградской области) // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 64–3. С. 127–133.
  17. Огурцов А.Н., Дмитриев В.В. Интегральная оценка социальных детерминант общественного здоровья населения Калининградской области (муниципальный уровень) // ИНТЕРКАРТО. ИНТЕРГИС. 2020. Том 26, № 3. С. 78–90.
  18. Кузнецова Т.Ю., Сибирева Н.И. Экономико-демографические различия муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. №1. С. 43–55.
  19. Рахманов А.Б. Миллиардеры и миллионеры Балтийского региона: сравнительный анализ национальных бизнес-элит // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 69–92. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-4>
  20. Калачикова О.Н., Белехова Г.В., Россошанский А.И. Индексная оценка финансовой грамотности населения (на примере регионов Северо-Западного федерального округа) // Вестник Пермского университета. Серия: экономика. 2019. Том 14, № 4. С. 579–602.

21. Кочкина Т.В. Формирование гражданской идентичности младших школьников // Калининградский вестник образования. 2021. № 2 (10) С. 62–71.
22. Буянский Д. Б. Критериальное оценивание уровня гражданской компетентности школьника // Калининградский вестник образования. 2021. № 3(11). С. 60–66.
23. Бурдые П., Пассрон Ж. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
24. Bourdieu P. Esquissed'unetheorie de la pratique: precedee de trois Etudes d'etnologiekabyle. Geneve: Droz, 1972. 272 p.
25. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
26. Podgorny B.B. The Population of the Kaliningrad Region and the Digital Economy: A Sociological Analysis // Baltic Region. 2021. Т. 13. № 3. Р. 149–167. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-8>
27. Подгорный Б. Б. Социальные габитусы населения: методология и классификация: монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2021. 226 с.

References

1. Podgorny, B.B. Habitus of the Russian population: methodology and classification. *Sovremennyye issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social problems], 2020, no. 2, pp. 279–301, <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-279-301>
2. Bobkov, V.N., Odincova, E. V. The potential of the Russian middle classes in terms of education and position in the field of employment: identification and assessment of the scale. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2017, no. 4, pp. 80–87.
3. Tihonova, N.E. Various Theoretical Approaches to The Russian Middle Class: Thresholds and Internal Structure. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2020, vol. 29, no. 4, pp. 34–56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56>
4. *Kaliningradskaya oblast' v cifrah* [Kaliningrad region in numbers], Kaliningrad: Kaliningradstat, 2021.

5. Tulina T.M. “Theoretical” and “real” functions of the middle class in Russia. *Vestnik Tuvinского gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 1. Social’nye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tuva state University. Issue 1. Social sciences and humanities], 2019, no. 2 (44), pp. 37–46.
6. Semchenkov, A.S. Socio-political stability in the doctrinal documents of Russia’s national security. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society], 2016, no. 2 (79), pp. 20–38.
7. Latov, YU.V., Petukhov, V.V. Do middle strata stabilize the Russian society? (evidence from national sociological surveys). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2017, no. 6, pp. 1–30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.01>
8. Krishtal, M.I. Ideological preferences of Kaliningrad residents in the socio-political system. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2021, no. 23(4), pp. 584–599. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-584-599>
9. Krishtal, M.I. Electoral preferences within the Kaliningrad oblast in 2003–2018. *Regional’nye issledovaniya* [Regional studies], 2019, no. 1, pp. 99–107. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-9>
10. Zadorin, I.V. “Frontier” regions: territorial identity and perception of “specialness”. *Politiya* [Politeia], 2018, no. 2 (89), pp. 102–136. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136>
11. Mosejko, V.V. Retirement Strategies of Russians (on the example of the Kaliningrad Region). *Baltijskij ekonomicheskij zhurnal* [Baltic Economic Journal], 2020, no. 4 (32), pp. 62–72.
12. Mihajlova, YU.V., Shikina, I.B., Siburina, T.A., Chuhrienko, I.YU., Mihajlov, A.YU., Elizov, I.A. The core vital values and requirements defining quality of life of country people are more senior than working-age of the Kaliningrad region. *Menedzher zdravoochraneniya* [Manager Zdravoochraneniya], 2020, no. 8, pp. 41–48.
13. Zimovina, E.P. Belarusian population of the Kaliningrad region: migration and preservation of ethno-cultural traditions. *Pytanni mastactvaznaŭstva, etnologii i fal’klarystyki* [Issues of art history, ethnology and folklore], 2014, no. 17, pp. 212–219.

14. Zimovina, E.P. Lithuanian population of Kaliningrad region: migrations and saving of ethnocultural peculiarities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences], 2016, no. 5, pp. 117–126. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2016-5-117-126>
15. Manakov, A.G., Dementiev, V.S. Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic. *Balt. Reg.*, 2019, vol. 11, no. 1, p. 92–108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-7>
16. Zhivenok, N.V. The Role of Orthodoxy in the Life of Student Youth (Based on Sociological Research in the Kaliningrad Region). *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2020, no. 64–3. pp. 127–133.
17. Ogurcov, A.N., Dmitriev, V.V. Integrated assessment of social determinants of public health of the population of the Kaliningrad region (municipal level). *InterKarto. InterGis* [InterKarto. InterGis], 2020, vol. 26, no. 3, pp. 78–90. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2020-3-26-78-90>
18. Kuznecova, T.Yu., Sibireva, N.I. Economic and demographic differences municipalities of the Kaliningrad region. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKB-FU's Vestnik. The humanities and social science], 2020, no. 1, pp. 43–55.
19. Rakhmanov, A.B. Billionaires and Millionaires of the Baltic Sea Region: A Comparative Analysis of National Business Elites. *Balt. Reg.*, 2017, vol. 9, no. 4, p. 69–92. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-4>
20. Kalachikova, O.N., Belekhova, G.V., Rossoshanskij, A.I. Index assessment of financial literacy of the population (in the case study of the North-Western federal district regions). *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2019, vol. 14, no. 4, pp. 579–602.
21. Kochkina, T.V. Formation of the civic identity of primary school students. *Kaliningradskij vestnik obrazovaniya* [Kaliningrad Bulletin of Education], 2021, no. 2 (10) pp. 62–71.
22. Buyanskij, D. B. Criteria-based assessment of the student's civil competence level. *Kaliningradskij vestnik obrazovaniya* [Kaliningrad Bulletin of Education], 2021, no. 3 (11), pp. 60–66.

23. Burd'e, P., Passron, Zh. *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: elements of the theory of the education system], M.: Prosveshchenie, 2007, 267 p.
24. Bourdieu, P. *Esquisse d'une theorie de la pratique: precedee de trois Etudes d'etnologie kabyle*. Geneve: Droz. 1972, 272 p.
25. Burd'e, P. *Prakticheskij smysl* [Practical meaning]. SPb.: Aletejya, 2001, 562 p.
26. Podgorny, B.B. The Population of the Kaliningrad Region and the Digital Economy: a sociological Analysis. *Balt. Reg.*, 2021, vol. 13, no. 3, pp. 149–167. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-8>
27. Podgorny, B. B. *Social'nye gabitusy naseleniya: metodologiya i klassifikaciya: monografiya* [Social habitus of the population: methodology and classification: monograph]. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2021, 226 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Подгорный Борис Борисович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии
Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
b.podgorny46@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology
Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya Str., Kursk, 305040, Russian Federation
b.podgorny46@gmail.com
SPIN-code: 9090-2602
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2972-3603>

Поступила 02.09.2023

После рецензирования 15.09.2023

Принята 22.09.2023

Received 02.09.2023

Revised 15.09.2023

Accepted 22.09.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-61-79
УДК 304.3

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТЕРРИТОРИИ: СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА

М.А. Беляева

Статья посвящена гастрономической культуре и ее производной – гастрономическому образу территории. Гастрономия, как область знаний, обнаруживает связь между пищей и культурой и является актуальной темой культурологических исследований. Предмет исследования данной статьи кроется в изучении гастрономического образа территории с теоретической точки зрения.

Автор стремится ответить на вопросы: каковы системообразующие элементы гастрономической культуры, как соотносятся понятия «гастрономический образ» / «гастрономический бренд», какова структура и в чем специфика гастрономического образа территории в сравнении с другими ракурсами позиционирования территории.

Метод и методология: идеи данной статьи базируются на системном, деятельностном, семиотическом подходах в понимании гастрономической культуры, современных гастрономических практик, гастрономического образа города.

Новизна и авторский вклад заключается в теоретических положениях, укладываемых в русло культурологического знания. Автор предлагает свое видение системообразующих элементов гастрономической культуры и свое видение структуры гастрономического образа города как 4-х компонентной модели: еда, места, люди, события. Автор выделяет три специфические характеристики гастрономического образа города: 1) аутентичность как факультативный, а не обязательный признак; 2) динамичность

как показатель потенциально высокой изменчивости гастрономического образа вслед за меняющимися условиями жизни и доступными ресурсами; 3) возможный разрыв с местной культурной традицией, существующей в скрытой повседневности, тогда как гастрономический образ формируется в публичной сфере с помощью традиционных и новых медиа, падких на хайп.

Область применения результатов: геобрендинг, культурные индустрии, связанные с едой, бренд-коммуникации в региональных СМИ и новых медиа, туризм.

Ключевые слова: гастрономическая культура; гастрономический образ территории; гастрономический бренд; геобрендинг; региональная культура; культурное наследие

Для цитирования. Беляева М.А. Гастрономический образ территории: структура и специфика // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 61-79. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-61-79

Original article | Theory and History of Culture and Art

THE GASTRONOMIC IMAGE OF THE TERRITORY: STRUCTURE AND SPECIFICITY

M.A. Belyaeva

The article is devoted to the gastronomic culture and its derivative – the gastronomic image of the territory. Gastronomy, as a field of knowledge, reveals the connection between food and culture and is an urgent topic of cultural research. Within the framework of this article, the subject of research is the study of the gastronomic image of the territory from a theoretical point of view.

The author seeks to answer the questions: what are the system-forming elements of the gastronomic culture, how do the concepts of “gastronomic image” / “gastronomic brand” relate, what is the structure and what is the specificity of the gastronomic image of the territory in comparison with other perspectives of the positioning of the territory.

Method and methodology: *the ideas of this article are based on systematic, practical, semiotic approaches in understanding the gastronomic culture, modern gastronomic practices, and the gastronomic image of the city.*

The novelty and the author's contribution *lies in the theoretical positions that fit into the mainstream of cultural knowledge. The author offers his vision of the system-forming elements of gastronomic culture and his vision of the structure of the gastronomic image of the city as a 4-component fashion: food, places, people, events. The author identifies three specific characteristics of the gastronomic image of the city: 1) authenticity as an optional, not a mandatory feature; 2) dynamism as an indicator of the potentially high variability of the gastronomic image following changing living conditions and available resources; 3) a possible break with the local cultural tradition existing in hidden everyday life, while the gastronomic image is formed in the public sphere with the help of traditional and new media, greedy for hype.*

The results of the study *can be applied in such an area of applied cultural studies as geobranding. A good theory is a guide to action, if you undertake to form a gastronomic image of the city, you need to understand its structure and specifics.*

The scope of the results: *geobranding, cultural industries related to food, brand communications in regional media and new media, tourism.*

Keywords: *gastronomic culture; gastronomic image of the territory; gastronomic brand; geobranding; regional culture; cultural heritage*

For citation. *Belyaeva M.A. The Gastronomic Image of the Territory: Structure and Specificity. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 61-79. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-61-79*

Введение

Гастрономия для человека значит больше, чем ее прагматическое содержание. В этой области повседневной культуры много ритуалов и символических смыслов. Еда и все, что с ней связано – предпочтения и запреты, способствует погружению в культурное пространство и позволяет узнать о национальных, региональных и локальных традициях, которые со временем становятся достопримечательностями

конкретных городов и селений. Причем одни территории обладают явной гастрономической уникальностью, для других выбор таких маркеров весьма проблематичен.

Изучая образ города как символический конструкт, я опираюсь, в первую очередь, на работы М.С. Кагана [11], а также современных отечественных исследователей, уделяющих большое внимание современным проблемам брендинга городов: С. А. Дианов [7], Д.Н. Замятин [9], Н.Г. Федотова [16].

С учетом предмета данного исследования особенно следует выделить работы о гастрономической культуре В.Г. Ден [6], В.А. Ермолаева [8], А.П. Игнатенковой [10], М.В. Капкан [12], и статьи, посвященные продвижению территорий за счет гастробрендов (В. Гордин [4], Н.В. Горошко [5], Ю.М. Лагусев [14], О.Ф. Полякова, Е.В. Середина [15]). Обозначенные научные исследования содержат описание конкретного опыта городских и региональных гастрономических проектов, но представления о структуре гастрономического образа города и его специфике не получили должного рассмотрения.

В данной статье решаются три задачи: 1) определение структуры гастрономической культуры; 2) определение структуры гастрономического образа города и 3) обоснование его специфики по сравнению с другими проекциями территориального бренда.

Практическая значимость: результаты исследования предназначены для такой области прикладной культурологии как геобрендинг. Хорошая теория есть руководство к действию, в процессе формирования гастрономического образа города надо понимать его структуру и специфику.

Методология исследования

В теоретическом отношении идеи, высказанные автором, базируются на системном, деятельностном, семиотическом подходах в понимании гастрономической культуры, современных гастрономических практик, гастрономического образа города.

Структура гастрономического образа города, как и структура образа города в целом, является полемичным вопросом. Один из

первых опытов целостного рассмотрения города как культурного феномена представлен в книге М.С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры» [11]. Каган конструирует образ города в интегративной связи трех аспектов:

- предметное бытие (архитектурный облик города, различные учреждения и сооружения, инфраструктура и т.д.);
- ментальность (особенности психологии и мировоззрения);
- формы поведения и деятельности жителей, рассматриваемые в исторической динамике, обусловленной внутренними (логика саморазвития) и внешними факторами (политика, экология, эпидемии и т.д.).

Этот подход обладает эвристическим потенциалом и для конструирования гастрономического образа города. Кроме того, данное исследование построено на сравнительном анализе научных трудов отечественных культурологов и представителей других областей социально-гуманитарного знания из числа вышеобозначенных авторов. Эмпирическая часть исследования базируется на наблюдениях автора, анализе информационных материалов в интернете, демонстрирующих примеры гастрономического гастробрединга.

Элементы гастрономической культуры

Гастрономическая культура является частью повседневной культуры, а с учетом топографии места – региональной культуры. Региональная культура – духовный и материальный капитал, созданный общностью людей, принадлежавших к разным или одному этносу, в конкретных историко-географических условиях на базе имеющихся природных и социальных ресурсов [2]. Гастрономическая культура один из таких ресурсов – природных и социальных одновременно. Гастрономическая культура по-прежнему зависит от географических условий проживания, но эта зависимость ослабевает по мере укрепления логистических связей регионов, стран и континентов.

М.В. Капкан выделяет 3 *системообразующих элемента* гастрономической культуры: «а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру), б) набор принятых в данной культуре продуктов и

их сочетания, в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи), а также г) рефлексию над вышеперечисленными феноменами и процессами» [12, с. 175].

Полагаю, что все-таки *системообразующим элементом* любого вида культуры являются ценности, именно они определяют действия (приготовление, поедание, ритуалы пищевого поведения), поэтому считаю целесообразным рассмотреть гастрономическую культуру через призму радиальной модели культуры, в ядре которой находятся ценности и нормы, далее – знания и технологии, и на периферии расположен самый объемный радиус материально-предметного содержимого, в результате получим следующие *системообразующие элементы гастрономической культуры*:

1. Представления о ценности продуктов питания, их желаемых характеристиках в их исходном виде и требованиях к конечному результату в процессе приготовления. Причем в оценке продуктов и готовой еды применяются различные группы критериев нормы: органолептические, эстетические, экономические, критерии безопасности и соответствия ЗОЖ, критерии аутентичности и др.
2. Знания о свойствах продуктов и их возможном применении, технологиях хранения и обработки, символическом значении каких-то продуктов или готовых блюд, ритуальной части пищевого поведения, включая назначение и обоснование различных ограничений в еде (диеты).
3. Материально-предметное содержимое гастрономической культуры включает, во-первых, собственно продукты питания и, во-вторых, весь арсенал средств, необходимый для приготовления и потребления еды, начиная от конфигурации источника нагрева пищи (печи) до посуды и утвари для приготовления и сервировки.

Самобытность гастрономического образа территории может опираться на каждый из этих элементов в отдельности или в их комплексе.

Если имеются уникальные продукты питания или уникальными они становятся в процессе применения особых технологий хранения

и приготовления (рецептуры) – это залог узнаваемого гастрономического образа территории.

Например, прокомментируем тезис «представления о ценности тех или иных продуктов питания, их желаемых характеристиках». Балтийскую сельдь активно потребляют во многих странах Северной Европы, включая Россию, и везде эта рыба, как и любая другая, ценится своей свежестью. Но шведский национальный продукт *surströmming*, представляющий собой консервированную квашеную сельдь, высоко ценится шведами, а неподготовленным потребителем воспринимается как «тухлая». Аналогичный шедевр русской кухни – квашенная капуста, тоже получен в результате обработки продукта солью в недостаточном количестве, не позволяющим блокировать процесс брожения. За счет резкого запаха и особых микробиологических свойств получаем уникальный продукт – квашеную капусту, но инокультурным потребителям такая еда кажется недоброкачественным продуктом.

Эти примеры демонстрируют, что простой, не эксклюзивный продукт, имеющий широкое распространение и вариативную практику применения, может внести запоминающийся штрих в гастрономический образ территории или быть самостоятельным гастрономическим брендом территории за счет особых представлений о ценности продукта, его желаемых характеристик, полученных за счет определенных технологий приготовления или хранения.

Особенности гастрономического образа места

Образ места – это динамическое интегративное образование, складывающееся из противоречивых ассоциаций, впечатлений реципиентов («носителей») этого образа и действий разных агентов влияния – респондентов («производителей») этого образа, таких как СМИ, профессиональные экспертные сообщества, органы власти, общественные объединения, подвижники-одиночки и др. [1, с. 19].

Гастрономический образ – это комплексное представление об особенностях гастрономической культуры определенного региона или города, выделяющих его на фоне других регионов. Но выде-

ляться можно в выгодном или невыгодном свете, или даже совсем не выделяться. Большую роль в позиционировании гастрономического образа играют традиционные СМИ и новые медиа. Понимание составляющих гастрономического образа позволяет, например, очертить круг тем, используемых для репрезентации гастрономического образа территории в СМИ (подробнее об этом см.: [16]).

Очевидной составляющей гастрономического образа является еда в виде особых даров природы или типичных продуктов, но отличающихся в данной территории гарантированным качеством; либо еду выгодно характеризуют не исходные ингредиенты, а рецептурная специфика, включая технологию приготовления, собственно кулинарию, или ритуально-церемониальную специфику подачи и потребления. Местные блюда и традиции их приготовления или потребления создают уникальную идентичность региона и могут стать его визитной карточкой. Например, скорее всего, индийский чай превзойдет китайский по качеству сырья, но китайская чайная церемония уникальна в ее ритуальной и предметной насыщенности.

Полагаю, что второй составляющей гастрономического образа являются места. Это могут быть рестораны и кафе, маленькие уличные фуд-точки, продовольственные рынки, фермы и другие места, где можно отведать местных деликатесов или как раз неместных, а экзотических блюд. Такие локации привлекательны для тех, кто хочет составить собственное представление о гастрономических возможностях территории.

Третья составляющая гастрономического образа территории – люди. Как справедливо отмечает Н.Г. Федотова, для брендинга мест важна активность местного сообщества по культивированию ведущих идей территориального бренда, его фирменных знаков и соответствующих практик [17, с. 122]. Регионы и города, которые имеют успешные гастрономические бренды, известны благодаря знаменитым поварам, кулинарным экспертам, ресторанным критикам, виноделам и пивоварам, сыроделам и кондитерам, и другим представителям кулинарного искусства, которые связаны с этим регионом или городом. Эти персоны вносят существенный вклад в формирование гастрономического образа территории.

Четвертая составляющая гастрономического бренда – уникальные и регулярные события. Гастрономические фестивали, кулинарные мастер-классы и другие форматы мероприятий, приуроченных к знаковым датам, открытиям/закрытиям сезона, презентации обновленного меню и др., позволяют зрителям взглянуть на местную гастрономию в праздничной атмосфере и в концентрированном виде.

Таким образом, согласно предлагаемой модели гастрономического образа города, 4 составляющие (еда, места, люди, события), отвечающие на вопросы «что, где, кто, когда?», собранные вместе, например, на страницах региональных медиа, способствуют формированию целостного гастрономического образа города или региона и выделяют его на фоне других мест. Сформированные гастрономические бренды позволяют привлекать и жителей, и туристов.

Предложенные составляющие гастрономического образа города воплощают в себе:

- предметное бытие культуры (еда, места);
- ментальность (люди как ее носители, а еда, места и события как проявление определенного мировоззрения);
- формы поведения (события и ритуальные практики, связанные с едой).

А. П. Игнатенкова, задаваясь вопросом классификации, в отличие от сформулированного нами подхода, рассматривает гастрономический образ территории преимущественно в одном измерении – еда. Автор выделяет ряд типов гастрономических брендов, которые выражают уникальность национальной кухни и используются для продвижения кулинарных традиций конкретной территории в культурном и социальном аспектах. Предлагаемая классификация построена на основе уникальности продуктов и их способности экспортироваться или использоваться внутри страны и в туристических целях. В этом случае, гастрономические бренды делятся на экспортные, туристические, интернальные (внутренние) и экстернальные (внешние) [9, с. 389-390].

Ограниченность предлагаемой классификации гастрономических брендов связана не только с концентрацией на еде, т.е. на одном из

4-х возможных компонентов гастрономического образа территории, но и на постулате обязательной аутентичности этой еды. Но специфика гастрономического образа от других проекций территориальных брендов, на мой взгляд, заключается именно в том, что привлекательный гастрономический образ не обязательно предполагает аутентичность – наличие уникальных продуктов или технологий их приготовления. Аутентичный гастрономический образ обычно монохромный, т.е. имеет четкую доминанту на ограниченном наборе продуктов и (или) технологий их приготовления и доступен на определенной территории, возможно еще и в определенный сезон.

Например, Казань (город в 2021 году объявлен «Гастрономической столицей России») известна татарской кухней и национальными блюдами, такими как сытный эчпочмак, сладкий чак-чак, и проч.. Сегодня культурное наследие татарской кухни доступно в разных регионах страны и не уступает по качеству исходным образцам. И хотя для знакомства с эчпочмаком нет нужды ехать в Казань, организация гастрономических фестивалей «Вкусная Казань» и «КышДаКар-фест» привлекает и жителей, и туристов. В этом осязаемое различие гастрономии от других образов территории. Несмотря на размывание аутентичности и даже ее полное отсутствие гастротуризм обладает большим потенциалом, поскольку общение с целевыми аудиториями выстраивается на гедонистическом уровне и опирается сразу на несколько слагаемых – еда, места, события, люди.

Для полноты наслаждения гастрономические практики стремятся к разнообразию за счет различного рода заимствований как по форме (подача блюд), так и по содержанию ингредиентов блюд, а также заимствования образцов организации мест и событий. По крайней мере, для России это характерно. Многонациональный демографический состав обуславливает интернациональный характер российского гастрономического ландшафта. В кулинарных заимствованиях преследуется цель создания либо качественной копии характерной для другой территории; либо наоборот, продукт должен отличаться творческим прочтением, переосмыслением, своей трактовкой. Никому не нужен второй Фонтан Треви, его слава

навечно досталась Риму, но итальянская кухня пользуется спросом во многих странах и городах мира. Одни заведения будут стремиться воссоздать «паста болоньезе» в первозданном виде, другие мастера используют мотивы итальянской кухни для презентации собственных вкусовых представлений. Но и те, и другие добавляют краски в гастрономический образ территории.

Гастрономический образ территории может меняться под влиянием миграционного потока. Середина Е.В., Полякова О.Ф. констатируют замещение традиционной русской кухни европейской и, особенно, азиатско-кавказской. Это видно по уличным предприятиям быстрого питания, рассчитанным на массового потребителя. Русская же кухня становится объектом дорогих ресторанов [15, с.359]. М.В. Капкан, размышляя о гастрономической культуре как нематериальном культурном наследии, тоже поднимает вопрос о тревожном состоянии русской кухни, но при этом констатирует, что ситуация осложняется отсутствием консенсуса в понимании того, что есть «русская кухня»: «... речь идет о кухне титульной нации или о гастрономических традициях территории?» [12, с. 179].

Похожий вопрос возникает и в ходе изучения результатов опроса студентов на тему «Культурное наследие и связь поколений», проведенного командой авторов [13] в 60 регионах России, в том числе в Уральском федеральном округе (N=1054). Студентов вузов спросили, готовят ли блюда национальной кухни в их семье. Оказалось: поколение «бабушек» – 82,2%, «мам» – 79%. Но что имели в виду под «национальной кухней» исследователи и респонденты?

На месте респондента лично я окажусь в затруднительном положении. Допустим, «национальное» будем понимать в этническом смысле как генетическую общность людей, но мои корни, как и корни многих россиян, полиэтничны. Во время жизни поколения моих «дедов» были массовые трудовые миграции (из Поволжья на Урал, и менее типичный вектор – с Дальнего Востока на Урал), а поколение прадедов – во власти аграрных миграций столыпинской реформы. Поэтому, оказавшись у российско-китайской границы, вместо «борща с пампушками» (прабабушка родом из сельской мест-

ности в районе г. Белая Церковь) переселенцы жили на амурской красной рыбе и таежных дикоросах Хабаровского края.

Авторы социологического исследования верно отмечают, что «питание всегда было маркером социокультурного образа жизни» [13, с. 25]. Превратившись из деревенских в городских жителей далеко от места своего рождения, мои «бабушки» готовили то, что было принято и даже модно в индустриальных уральских городах – советские салаты («оливье» и проч.), домашние торты, пельмени и пироги, и все это – праздничные блюда. В том числе из-за не развитого общепита. «Ножки буша» в тревожные 1990-е годы временно вытеснили многие другие продукты, но связь поколений в гастрономическом отношении это не нарушило.

Исследователи межпоколенной трансляции народной культуры в Уральском федеральном округе констатировали «постепенное угасание интереса к ее элементам в большей или меньшей степени». Не готова согласиться с таким выводом, пока не будет проявлено, что есть «народная культура» и «национальная кухня». Уверена, что в высоко индустриальном Уральском федеральном округе значительная часть респондентов под «национальной» представляла себе гастрономическое наследие советской эпохи, понимая под национальным – не генетическую, а символическую общность людей, вызванную политическими факторами. Считаю, что на бытовом уровне интерес не угасает, советское гастрономическое наследие, пусть и не приготовлено своими руками, но занимает значительное место в рационе. Если вдруг соответствующие услуги исчезнут, интернет и гастрономическая «библия» советской кухни («Книга о вкусной и здоровой пищи») подскажут молодежи, что делать. Мои выводы: во-первых, да, не все готовят «блюда национальной кухни», но все по-прежнему их едят, поэтому преждевременно говорить о разрыве поколений в этой части повседневной культуры; во-вторых, поколения отцов, дедов и прадедов студентов уральского региона, скорее всего, под «национальной кухней» транслируют советское гастрономическое наследие.

С другой стороны, в полной мере разделяю мнение авторов, что культура повседневности меняется, и в России давно наметился тренд на интернационализацию кухни и фастфуд. В 1930-е годы «индустриа-

лизация всей страны», а затем, начиная с 1990-х годов XX века, глобализация вносит ощутимый вклад в гастрономический образ территории. Американский «спрут» ресторанов быстрого питания «McDonald's» и прочие бургерные, а также различные сетевые заведения в сегменте кофеен не добавляют аутентичности гастрономическому образу конкретного города, но наделяют его такими характеристиками как «современный, развитый, модный», т.е. усиливают привлекательность гастрономического образа, а не умаляют его.

Именно в конструировании гастрономического образа чаще хотят удивлять экзотикой, а не следовать сложившимся традициям. Забытые в глубине веков и восстановленные рецепты тоже являются экзотикой, на которой можно сконструировать узнаваемый и аутентичный бренд, но вместо трудоемких раскопок местных архивов доступнее экзотика, построенная на рецептурных заимствованиях и логистических возможностях доставки особых продуктов из далека. Эkleктика гастрономических вкусов и традиций – типичная черта больших городов, мультикультурных по своей природе. И даже там, где городское сообщество этнически однородно на фоне роста качества жизни, скорее всего, будут появляться новые форматы питания, продиктованные модой – скоротечной и непредсказуемой.

Почему одни привнесенные гастрономические увлечения относительно мимолетны, а другие быстро вписываются и надолго приживаются на конкретной территории, причем за этим не обязательно стоят носители этих традиций (мигранты). На этот вопрос нет готового ответа. Например, города центральной части России переживали бум китайской кухни в конце 1990-х годов, но сегодня гастрономическое китайское присутствие занимает скромную нишу, а японская кухня (роллы, суши, сушими), возникнув как экзотический тренд в нулевые, закрепилась надолго. Из ресторанного сегмента японская еда перекочевала в фастфуд, адаптированный под российские реалии за счет развитых сервисов доставки, т.е. из разряда чужестранной экзотики вошла в меню повседневного питания, при этом не потребовалось массового присутствия носителей японской гастрономической традиции.

Помимо факультативной аутентичности, другая особенность гастрономического образа территории – его изменчивость. Трудно представить, что Эйфелева башня перестанет быть культовым местом Парижа, а конкретные популярные заведения общепита могут довольно быстро потерять свою притягательность. Первый ресторан McDonald's на Пушкинской площади в Москве (1990 г.) не исчез, но спустя несколько лет перестал быть меккой для потребителей. Причем этот ресторан разместился на месте весьма популярного кафе «Лира», существовавшего здесь с 1966 года [https://dzen.ru/a/YBaCudPJFFDG_lmD]. Ресторан «Прага» – культовый для советского времени, в изобилии возможностей и гастрономических предложений последнего десятилетия не сохранил своего уникального лица и статуса одного из старейших заведений столичного общепита (1872-2018 гг.). А современные рестораторы в своих проектах изначально нацелены на динамичную смену форматов гастрономии. Там, где сегодня радушно предлагают «конфеты с белыми грибами» (из меню ресторана AVA. Москва), завтра будет уже другая гастрономическая «фишка».

«Гастрономические бренды есть отражение местной гастрономической культуры» – этот тезис верен лишь отчасти. Гастрономическая культура территории может быть как давно устоявшимся феноменом, так и формирующемся, в том числе через восстановление утраченных гастрономических традиций. Реальная гастрономическая культура, общепринятая для данной территории, может существенно отличаться от гастрономического образа территории, складывающегося из меню топовых заведений и ярких фестивальных событий, предлагаемых общепитом и транслируемых в медиа. Вероятно, это третье принципиальное отличие гастрономического образа территории от других ракурсов ее позиционирования – неукорененность, отрыв от массовой практики, присущей этой территории, но тем конструируемый гастрономический образ интересней, причем и жителю, и туристу: «Гастрономический туризм – это поиск и наслаждение уникальной, незабываемой едой и напитками, как на другом конце Земли, так и на соседней улице» [15, с. 353].

Заключение

Гастрономическая культура, гастрономический образ, гастрономический бренд – это тесно взаимосвязанные понятия, которые играют важную роль в формировании имиджа региона (города).

Опираясь на радиальную модель культуры, гастрономическая культура в нашем понимании строится на представлениях о ценности продуктов питания, их желаемых характеристиках (ценностно-нормативное ядро культуры), знаниях о свойствах продуктов и их возможном использовании (когнитивно-технологический слой культуры), а также арсенале средств, необходимых для приготовления и потребления еды (материально-предметный слой культуры).

Гастрономический образ территории складывается благодаря наличию узнаваемых гастрономических брендов, которые могут включать 4 смысловых элемента – еда, места, люди и события. Гастрономический образ территории имеет ряд отличий от других ракурсов позиционирования территории. Во-первых, привлекательный узнаваемый гастрономический образ может не обладать такой характеристикой как аутентичность, во-вторых, гастрономический образ изменчив, поскольку это живая культурная практика, а не музеефицированное культурное наследие, и в-третьих, гастрономический образ может быть не укоренен в традиционной гастрономической культуре региона, рассматриваемой как часть повседневной культуры, и шире – региональной культуры, тесно связанной с ресурсной обеспеченностью. Неудержимые глобальные процессы, или влиятельные команды профессионалов (в области общепита, медиа, муниципального управления и др.), или даже увлеченные мастера-одиночки могут определять гастрономический образ города, существующий в разрыве с местной (бытовой) гастрономической культурой.

В практическом отношении отчетливое представление системообразующих элементов гастрономической культуры, понимание структуры гастрономического образа территории и его специфики позволяет осознанно управлять формированием образа места.

Список литературы

1. Беляева М.А., Ладыгина Т.А. Брендинг малых городов: теория и практика. Учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2023. 128 с.
2. Беляева М. А. Региональная культура // Прикладная культурология. Энциклопедия / Под редакцией И.М. Быховской. М. : Согласие, 2019. С. 487-495.
3. Берваль Ю. М., Каримова Г.Р. Бренд-коммуникации туристских дестинаций в период пандемии COVID-19 // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6, № 2. С. 4-18. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-2-4-18>
4. Гордин В., Трабская Ю. Гастрономические бренды дестинаций: подходы и применение. Коллективная монография. СПб.: Левша, 2014. 208 с.
5. Горошко Н. В. Гастрономический бренд как инструмент развития регионального гастрономического туризма // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 377-400.
6. Ден В. Г. Русская гастрономическая культура в развитии региональных брендов // Общество: философия, история, культура. 2017. №7. С. 86-92.
7. Дианов С. А. Геокультурный брендинг пермских городов: теория и практика: монография / С. А. Дианов, Ю. В. Дианова. Пермь, 2022. 161 с.
8. Ермолаев В. А. Гастрономия как объект культурологического анализа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 59. С. 32-41. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2022-59-32-42>
9. Замятин Д.Н. Гетеротекстуальность и сопространственность: от семиотики города к транссемиотике постгорода // Уральский исторический вестник. 2021. №1(70). С.70-79.
10. Игнатенкова А. П. Роль гастрономической культуры региона в формировании территориального бренда // Covid19 ergo zoom: трансформация и цифровизация общества в современных реалиях : материалы научно-практической конференции. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 386-397.

11. Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры. М.: Юрайт, 2020. 515 с.
12. Капкан М. В. Гастрономическая культура как объект культурного наследия: проблемы экспертной оценки // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 2. С. 173-183. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.2.036>
13. Культурное наследие: от «дедов» к «отцам» и «внукам» / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, В. П. Засыпкин [и др.] // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 2(83). С. 18-28. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.83.2.002>
14. Лагусев Ю. М. Гастрономические бренды как средства продвижения дестинаций // Сервис plus. 2016. № 2. С. 9-16.
15. Середина Е.В., Полякова О.Ф. Региональные особенности развития гастрономического туризма // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: Материалы IV Международного научно-практического симпозиума. М.: Новое Время, 2019. 476 с. С. 352-361.
16. Соколова П. Е. Гастрономический контент современных медиа на примере городских изданий Екатеринбурга / П. Е. Соколова, М. А. Беляева // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : Межвузовский сборник. Том Выпуск 23. Санкт-Петербург, 2023. С. 135-139.
17. Федотова Н.Г. Символический капитал территории: бренд и идентичность // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под редакцией А. Д. Кривоносова. СПб., 2016. С. 121-123.

References

1. Belyaeva M.A., Ladygina T.A. *Brending malykh gorodov: teoriya i praktika. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Branding of small cities: theory and practice. Textbook for universities]. Ekaterinburg: Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, 2023, 128 p.
2. Belyaeva M. A. *Prikladnaya kul'turologiya. Entsiklopediya* [Applied cultural studies. Encyclopedia] / ed. I.M. Bykhovskaya. M.: Soglasie, 2019, pp. 487-495.

3. Berval' Yu. M., Karimova G.R. *Russian Studies in Culture and Society*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 4-18. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-2-4-18>
4. Gordin V., Trabskaya Yu. *Gastronomicheskie brendy destinatsiy: podkhody i primenenie. Kollektivnaya monografiya* [Gastronomic brands of destinations: approaches and application. Collective monograph]. St. Petersburg: Levsha, 2014, 208 p.
5. Goroshko N. V. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 377-400.
6. Den V. G. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2017, no. 7, pp. 86-92.
7. Dianov S. A. *Geokul'turnyy brending permskikh gorodov: teoriya i praktika: monografiya* [Geocultural branding of Perm cities: theory and practice: monograph] / S. A. Dianov, Yu. V. Dianova. Perm', 2022, 161 p.
8. Ermolaev V. A. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2022, no. 59, pp. 32-41. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2022-59-32-42>
9. Zamyatin D.N. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2021, no. 1(70), pp.70-79.
10. Ignatenkova A. P. *Covido ergo zoom: transformatsiya i tsifrovizatsiya obshchestva v sovremennykh realiyakh : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Covid ergo zoom: transformation and digitalization of society in modern realities: materials of a scientific and practical conference]. M.: Moscow Pedagogical State University, 2021, pp. 386-397.
11. Kagan M.S. *Grad Petrov v istorii russkoy kul'tury* [The city of Petrov in the history of Russian culture]. M.: Yurayt, 2020, 515 p.
12. Kapkan M. V. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 173-183. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.2.036>
13. Kul'turnoe nasledie: ot «dedov» k «ottsam» i «vnukam» [] / Yu. R. Vishnevskiy, N. V. Dulina, V. P. Zasyplin, et al. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2023, no. 2(83), pp. 18-28. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.83.2.002>
14. Lagusev Yu. M. *Servis plus*, 2016, no. 2, pp. 9-16.
15. Seredina E.V., Polyakova O.F. *Traditsionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira: Materialy IV Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma* [Traditional culture

in the modern world. History of food and food traditions of the peoples of the world: Materials of the IV International Scientific and Practical Symposium]. M.: New Time, 2019, 476 p.

16. Sokolova P. E., Belyaeva M. A. *Sovremennaya mediasreda: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii. Vzgl'yad molodykh issledovateley : Mezhvuzovskiy sbornik. Tom Vypusk 23* [Modern media environment: traditions, current practices and trends. View of young researchers: Interuniversity collection. Volume Issue 23]. St. Petersburg, 2023, pp. 135-139.
17. Fedotova N.G. *Brending kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI veka: Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Branding as a communication technology of the 21st century: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation] / ed. A. D. Krivososov. SPb., 2016, pp. 121-123.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Беляева Мария Алексеевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социокультурного развития территории
Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Екатеринбургская академия современного искусства»
ул. Культуры, 3, г. Екатеринбург, 620012, Российская Федерация
2012marysia@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Belyaeva, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Socio-Cultural Development of the Territory
Yekaterinburg Academy of Contemporary Art
3, Kultury Str., Yekaterinburg, 620012, Russian Federation
2012marysia@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0930-3038>
SPIN-code: 5382-6888

Поступила 05.09.2023

После рецензирования 15.09.2023

Принята 22.09.2023

Received 05.09.2023

Revised 15.09.2023

Accepted 22.09.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-80-101

УДК 75.03

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ПРЯМОЙ И ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

М.С. Лытов

Актуальность обращения к проблеме прямой и обратной перспективы в изображении пространства на плоскости при обучении рисованию детей и студентов обусловлена доминированием в их рисунках геометрических стереотипов, отражающих фотоафичность окружающей видеосреды.

***Цель исследования:** в условиях усиления тенденций стандартизации и унификации глобального общества обосновать культурные смыслы включения в содержание преподавания рисунка прямой и обратной перспектив. Это важно для освоения культурного наследия древнерусского искусства, сохранения разнообразия изобразительных техник малых народов страны и изучения их культур, развития у молодежи творческого потенциала самовыражения в рисунке «как я вижу».*

*Использованы **методы** анализа, обобщения, сравнения, контрадикции, а также культурологический, экологический и комплексный подходы.*

***Результатом** исследования выступило выявленное противоречие между фактом доминирования обратной перспективы в восприятии детей разных национальностей и у представителей коренных народов, не подвергшихся воздействию цивилизации, с одной стороны, и обучением в современных школах детей прямой линейной перспективе в рисунке как единственно «правильной», формированием у обучающихся стереотипов геометрического изображения окружающего мира. Сделан вывод о важности природо- и культуросообразной направленности обучения рисунку для придания*

ему индивидуальности, формирования интереса к культурному наследию страны и желания развивать современное отечественное изобразительное искусство.

Область применения результатов. Педагогический процесс обучения рисунку в школе и вузе.

Ключевые слова: изобразительное искусство; прямая и обратная перспектива; кросс-культурные исследования; культурное наследие; культурный смысл

Для цитирования. Лытов М.С. Культурные смыслы прямой и обратной перспектив в изобразительном искусстве // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 80-101. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-80-101

Original article | Theory and History of Culture and Art

CULTURAL MEANINGS OF FORWARD AND REVERSE PERSPECTIVES IN FINE ART

M.S. Lytov

The relevancy of addressing the problem of forward and reverse perspective in the depiction of space on the plane when teaching drawing to children and students is due to the dominance of geometric stereotypes in their pictures, reflecting the photographic character of the surrounding video environment.

The aim of the study: *in the conditions of increasing trends of standardization and unification of the global society – to substantiate the cultural meanings of including the forward and reverse perspectives in the content of teaching drawing – to master the cultural heritage of Old Russian art, to study and preserve the diversity of visual techniques of small ethnic groups of the country, to develop the creative potential of self-expression in drawing “as I see it”.*

The methods *of analysis, generalization, comparison, contrast, as well as cultural, ecological and complex approaches were used.*

The result of the study was the revealed contradiction between the fact of dominance of reverse perspective in the perception of children of different nationalities and representatives of indigenous peoples who have not been exposed to civilization, on the one hand, and the teaching in modern schools of direct linear perspective in drawing as the only “correct”, the formation of stereotypes of geometric representation of the surrounding world in students.

The conclusion is made about the importance of nature- and culture-oriented orientation of teaching drawing to give it individuality, interest in the cultural heritage of the country and the desire to develop modern domestic fine arts. Area of application of the results: pedagogical process of teaching drawing at school and university.

Keywords: fine arts; forward and reverse perspective; cross-cultural research; cultural heritage; cultural meaning

For citation. Lytov M.S. Cultural Meanings of Forward and Reverse Perspectives in Fine Art. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 80-101. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-80-101

Введение

Актуальность обращения преподавателей рисунка к культурным смыслам прямой и обратной перспектив изображения пространства на плоскости вызвана снижением внимания к их сочетанному использованию в рисунке в условиях доминирующей фотографичности современной видеосреды, недооценкой значения такого сочетания с точки зрения его соответствия естественным особенностям зрительного восприятия окружающего пространства каждым человеком, а также актуальностью сохранения культурного изобразительного наследия россиян [18]. Культурный смысл мы рассматриваем как исторически выработанную многими поколениями информацию, с помощью которой сообщество людей постигает и понимает окружающий мир, свое предназначение в нем, создает свой образ бытия в культуре. Смыслы нельзя придумать: они естественны и универсальны для субъектов данной культуры. Возникновение, интерпретация и реконструирование культурных смыслов использования тех или

иных средств в рисунке – многомерный процесс, который включает эмоционально-образный, мировоззренческий и экологический (человек – окружающая его пространственная среда) компоненты в образовательном процессе [20].

Цель исследования

В условиях усиления тенденций стандартизации и унификации глобального общества обосновать культурные смыслы включения в содержание преподавания рисунка прямой и обратной перспектив.

В современной литературе по изобразительному искусству можно встретить утверждение, что «в обычных условиях человеческий глаз воспринимает изображение в прямой, а не в обратной перспективе» [6]. Прямая линейная перспектива – это такое изображение пространственных объектов на плоскости, которое можно узнать по чётко обозначенной линии горизонта (на уровне глаз зрителя), расположением на ней точек схода к горизонту параллельных направляющих, уменьшению размеров удаленных предметов по мере удаления их от переднего плана. Теоретические основы прямой перспективы, опирающиеся на законы геометрической оптики, впервые появилась у Амброджо Лоренцетти в XIV веке и активно стали использоваться художниками эпохи Возрождения [14]. Как пишет Б.В. Раушенбах, «прямая перспектива долго признавалась как единственное верное отражение мира в картинной плоскости» [17].

Обратная линейная перспектива – такое изображение пространства на плоскости, для которого характерны увеличивающиеся по мере удаления от зрителя размеры объектов, расходящиеся параллельные линии, неглубокое пространство. Считается, что обратная перспектива возникла в позднеантичном и средневековом искусстве (миниатюра, икона, фреска, мозаика) как в западноевропейском, так и в византийском. Эта перспектива активно использовалась в древнерусском искусстве и была характерна для иконописи. Интерес к обратной перспективе в теории и художественной практике возрос в XX веке в связи с возрождением интереса к символизму и духовно-нравственной «нагрузке» этого метода [16]. Сам термин обратная перспектива по-

явился лишь в 1907 году и был введен Оскаром Вульфом. Поскольку древнерусское искусство имело духовное содержание, распространено мнение о том, что обратная перспектива, как прием изображения, был осознанно использован художниками для того, чтобы усилить художественное воздействие на зрителя. По одной из версий такое изображение показывает мир не глазами человека, а глазами Бога, его сотворившего. По другой версии, предметы и объекты изображаются так, демонстрируя разнообразие восприятия их разными людьми и убеждая в многогранности бытия [15].

В написанной в 1919 году и опубликованной посмертно в 1957 г работе П. А. Флоренского, к сожалению, приводится лишь первая часть, так и незавершенного, исследования о прямой и обратной перспективе. В ней он высказывает мысль о том, что использование византийскими художниками наряду с прямой перспективой обратной перспективы позволяло им решать новые идейно-художественные задачи, связанные с изменением общефилософских воззрений в средневековье. У Флоренского находим также интересное замечание о том, что прямая перспектива имеет ограниченные возможности художественного воздействия на зрителя, «потому что такое изображение *убивает* художественный эффект. А даже интуитивно допускаемые художником ошибки в построении прямой перспективы создают эмоциональный эффект [26].

Современные искусствоведы также считают, что обратная перспектива помогает создать эффект ориентированного на зрителя пространства, предполагающего его духовную связь с миром изображаемых символических образов, некоего сверхчувственного сакрального содержания изображения. А поскольку обратная проекция использовалась в древнерусской живописи, ее связывают с загадкой русской души [28].

Развивая далее эту мысль, российский историк, специалист по древнерусскому и византийскому искусству, один из авторов «Православной энциклопедии» О.Г. Ульянов пишет, что обратная перспектива – это окно в ноуменальное пространство [24]. То есть, если феноменальное пространство укладывается в пределы традиционной

предметно-реалистической формы, то ноуменальное пространство возникает на основе интуитивных представлений о сакральном [10].

Так или иначе, следует согласиться с советским и российским культурологом Ю.М. Лотманом в том, что художественное пространство «... представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений. ... Язык этот, взятый сам по себе, значительно менее индивидуален и в большей степени принадлежит времени, эпохе, общественным и художественным группам, чем то, что художник на этом языке говорит, – чем его индивидуальная модель мира» [8, с. 252-253]

Не случайно, в связи с этим, представления об обратной и прямой перспективах используют и вне сферы живописи – для характеристики различий в мировоззрении и идеологии. Так, приводится мнение немецкого мыслителя Освальда Шпенглера о том, что прямая перспектива, подобно артиллерии, мыслит окружающее пространство как объект освоения, захвата (лейтмотив взаимоотношений Запада с остальным миром) [34]. Русский филолог и мыслитель М.М. Бахтин, занимаясь теориями эстетики, писал, что линейная завершенность Запада противопоставляется обратной перспективе отечественной культуры, в последней нет завершенности, а человек способен ценностно осмысливать, поступать и творить как человек открытый для развития, в «вечности, в которой человек предстоит перед Божественной Троицей» [28].

Тем не менее, Россия, «несмотря на все беды, невероятные потери, постигшие ее за всю историю, жила, живет и будет жить по закону обратной перспективы... У русского человека вектор интересов направлен совсем иначе. Ему важнее не осуществление личных интересов, а некий смысл жизни, которому можно подчинить все, в том числе и саму жизнь, то есть он, русский человек, внеположен сам себе, и его отношение к миру в основе своей - сугубо религиозное, соборное» [28].

Учитывая такие широкие культурные смыслы интерпретации пространства, мы провели сопоставительный анализ не только искусствоведческой, но и культурологической и психологической литературы по вопросу использования прямой и обратной перспективы в рисунке, в том числе непрофессиональном.

Методы исследования.

Использованы методы анализа, обобщения, сравнения; культурологический, экологический (в том числе, естественнонаучный) и комплексный подходы. Применен также метод контрадикции (от англ. contradiction – противоречие, противоположность). Этот метод используется для доказательства верности или ложности заявлений. Для обоснованного утверждения, что x — верно, вначале предполагается, что x — ложно, а затем показывается, что такое предположение приводит к противоречию. Придя к подобному противоречию, можно утверждать, что ситуации, при которой x – ложно, не существует, и, следовательно, x – истинно. В этом случае результат исследования формулируется в виде противоречия, составляющего основу проблемы.

Прямая перспектива сегодня является действительно традиционной в изобразительном искусстве, архитектуре, дизайне. К ней мы привыкли, она понятна, поскольку основана на классической геометрии, законах черчения. Естественный вывод: именно так и видит окружающую реальность человеческий глаз. Следовательно, вывод о том, что человек может видеть обратную перспективу – ложно, ее применение в рисунке искусственно. Проверим это предположение, обратившись к исследованиям в разных научных областях.

Результаты

Для начала проведем простейший опыт. Если Вы работаете за ноутбуком, посмотрите сидя издали на плоскость его клавиатуры. Очевидна сходящаяся линейная проекция его боковых сторон. Но посмотрите на эту же клавиатуру сверху вниз, приблизив глаза к переднему краю этой плоскости до 10 см – и ... Вы убедитесь, что боковые стороны этой плоскости не сходятся, а расходятся!

Анализ результатов экспедиций в тундру по изучению кросс-культурных особенностей восприятия перспективы и пространственных представлений у оленеводов-ненцев показал, что в рисунках и взрослых оленеводов, и их детей при изображении разноудаленных предметов *своей* территории преобладают признаки обратной пер-

спективы. Однако при изображении отдаленных *чужих* пространств изображения даются в прямой линейной перспективе (!) [4].

Если у детей коренных народов, находящихся в дошкольном и младшем школьном возрасте, обратная перспектива является преобладающим способом изображения, то уже в среднем школьном возрасте (позже, чем у городских детей) постепенно осуществляется переход к привычной для взрослого человека линейной перспективе [6,8]. Причина – влияние на динамику перспективных построений ребенка со стороны изучения геометрии в общеобразовательной школе.

Авторы этих исследований объяснили полученные результаты экологическими условиями проживания в тундре, лишенной прямых линий и углов – «non-carpentered world» в отличие от противоположного ей мира – городской среды («carpentered world», или «рубленного мира»), с большим количеством прямых линий и углов (прямые улицы, перекрестки, кварталы, углы зданий и т.д.), которые сохраняют длительное время обратную перспективу у детей. Согласно этой логике, урбанизированный ребенок с детства сталкивается с большим количеством вертикальных и горизонтальных линий, параллельных линий и линий, пересекающихся под прямыми углами, чего не было в традиционных условиях обитания на протяжении многих веков. Поэтому был сделан вывод о том, что обратная перспектива – отражение жизни в открытых пространствах [15].

Были выделены две группы факторов формирования системы пространственных представлений: культурные и экологические. Под *культурными факторами* понимают сложившуюся в данной культуре систему образования (уроки рисования, геометрии, географии), массовую информационную среду (телевидение, книжные иллюстрации, реклама), в которых изображения строятся по правилам линейной перспективы. Под *экологическими факторами* понимают реальную окружающую среду восприятия, ее пространственные характеристики [2,4].

Схожие исследования были выполнены по изучению распространенности обратной перспективы у детей и взрослых в ходе

кросс-культурных исследований племен в Африке [29;30]. Однако интерпретация результатов этих исследований не была столь категоричной в вопросе о преимущественном влиянии экологических или культурных факторов на восприятие перспективы [23;31]. А экспедиция в Узбекистан под руководством выдающегося советского нейропсихолога А.Р. Лурии в отдаленные кишлаки, в которых жилые помещения были преимущественно прямоугольной формы, а местность нельзя было причислить к открытому пространству (горная местность), и вовсе пришла к выводу о преимущественном влиянии именно образовательного фактора на восприятие пространства [9].

Аналогичны свидетельства устойчивости обратной перспективы в восприятии пространства у неграмотных (необученных) представителей коренных народов, не обязательно ведущих кочевой образ жизни на бескрайних пространствах [22]. На примере народа нивхи на Сахалине [25], и саамов, живущих на севере четырех разных стран – России, Финляндии, Швеции и Норвегии (проект «Дети Арктики») [22] были получены доказательства влияния прежде всего образования (то есть, культуры) на снижение и окончательное преодоление использования представителями разных народов обратной перспективы, независимо от открытости пространства проживания – тундра или лес [15; 21]. Более того, высказывается даже мнение, что восприятие в обратной перспективе может усиливаться не в открытом пространстве, а на местности с *ограниченным* обзором *дальнего* пространственного плана [19].

Сегодня накопилось большое число психологических исследований, которые свидетельствуют о том, что первоначально у детей формируется обратная перспектива восприятия [3]. Именно в обратной проекции видят дети ближайший окружающий их мир (*значимый, известный и безопасный*). Представители племён, оторванных от современной цивилизации, люди коренных народов, которые ведут кочевой образ жизни, тоже видят в обратной проекции *значимый* для них мир – то есть, непосредственное ближайшее окружение – «*свое*» родовое пространство, которое четко различается в плоско-

сти от далекого «чужого» (неизведанного, далекого) пространства [20]. То есть, речь идет о сформированных в культуре коренных народов представлениях о пространстве – «близком, своем», и «чужом, далеком». Концепции пространства всегда находились в определенной зависимости от культуры, основой которой является предметно-чувственная деятельность. Способы этой деятельности определяют способы постижения и освоения объективного мира и его пространственных параметров. Именно культура, понимаемая как всеобщая технология человеческой деятельности, детерминирует соответствующую данной цивилизации картину мира, в том числе концепцию пространства [13; 33].

С культурологической точки зрения каждый народ характеризуется своим особым способом восприятия мира, на который значительный отпечаток откладывают культурные стереотипы. Такие стереотипы складываются под влиянием условий проживания и хозяйствования народа, климатических условий, языка, традиций, обычаев.

С научной точки зрения язык прямой и обратной перспективы в изобразительном искусстве изучал Б.В. Раушенбах, физик-механик, один из основоположников советской космонавтики. В работе «Системы перспективы в изобразительном искусстве: Общая теория перспективы» [18] исследователь предлагает читателю проделать такой опыт.

Надо стать в комнате, имеющей четко выраженную линейную структуру пола (например, паркетные полосы), лицом к глухой стене, освободить находящееся перед собой пространство от всех предметов, встать на расстоянии 3-5 м, чтобы уходящие полосы казались параллельными. После этого перенести взгляд в сторону, на 20-50 градусов, и тогда линейная структура пола окажется направленной наискось по отношению к наблюдателю, а полосы будут слегка расходиться.

Выводы исследователя основываются на сопоставлении строгого математического описания особенностей зрительного восприятия с используемыми в изобразительном искусстве прямой и обратной перспективами. Б.В. Раушенбах доказательно разрушает представ-

ления о том, что законы зрительского восприятия человека изначально базируются на традиционной прямой перспективе. На основе анализа работ художников античности, Византии и древнерусского искусства он показывает, что в основе находок художниками таких выразительных средств как прямая и обратная проекции лежат реальные объективно существующие законы зрительного восприятия. Эти законы умело использовались мастерами при необходимости отражать и геометрические закономерности дальних пространств, и собственное видение предметов переднего плана, придавая им естественную (легкую) обратную перспективу в зрительном восприятии, которая может иметь порядок 10 градусов. Так, Андрей Рублев с помощью обратной перспективы в своей знаменитой «Троице» выделил подножие, на которой стоит левая изображенная фигура, приблизив ее к зрителю, как наиболее важную, значимую.

Культурные стереотипы геометрических проекций складывались столетиями под влиянием геометрии Евклида. Однако коренные народы в разных частях света оказались не охваченными геометрической наукой. Для них сохраняет свою «объективность» субъективное восприятие искривления прямых линий. Однако, может быть, такое восприятие и не совсем субъективно, как подтверждает геометрия Лобачевского. Есть данные о том, что в отличие об описания пространства с помощью геометрии Евклида, пространство зрительного бинокулярного восприятия скорее подчиняется геометрии Лобачевского, в которой не существует прямых и параллельных линий. При ее применении, например, к изображению прямоугольника, его дальняя сторона оказывается больше ближней, то есть в зрительном восприятии прямоугольник может казаться расширяющимся в глубину [17].

Использование обратной проекции древнерусскими мастерами может говорить не о специальном изобразительном приеме, который они освоили, а об интуитивном отражении художником пространства таким, каким он его видел. Раушенбах назвал это перцептивной (в противоположность геометрической) проекцией, или проекцией «как я вижу». Исследователь отмечает, что если кто-то не сможет

наблюдать эффект обратной перспективы в описанном им выше опыте, это значит, что он четко «отдрессирован» привычной линейной перспективой. Такую «дрессировку» проходят дети, которых учат в школе геометрии при отсутствии тренировки при рисовании отображать «что я вижу», а не «что должен видеть» [16].

Тот факт, что использование легкой обратной перспективы искусствоведы находят в произведениях всех времен и у всех народов, свидетельствует о естественных причинах этого феномена: рассмотрении предмета «сверху-спереди» с близкого расстояния. Применение в рисунках обратной перспективы К.Ф. Юон объяснял так: «Не знающий законов теории перспективы почти обязательно изобразит предметы в обратном виде, как это делалось систематически во всех случаях восточного, древнего народного искусства. Использование обратной перспективы говорит об интуитивном стремлении к непосредственной передаче видимой геометрии «как я вижу» [29, стр. 12].

То, как человек видит окружающий мир – во многом результат культурных «очков», разного рода внушений, которые он испытывает с самого детского возраста. Так формируется установка наблюдателя, которая и определяет его восприятие [4].

Факты резкой смены изображений пространства в истории изобразительного искусства во многом объясняются сменой доминирующей культурной идеи, соответственно, реальным изменением человеческой психики, психологии зрительного восприятия. Типы пространственных построений на плоскости разные для разных эпох. И каждый не более правильный, чем другой. В Древнем Египте стремление к чертежу. В Возрождении – точное следование видимой геометрии мира. Средневековое искусство – в отличие от Нового времени – обратная перспектива. разная комбинация доли объективное и видимой геометрии. Анализ древнерусской живописи свидетельствует о сочетании в ней и прямой, и обратной перспектив, и аксонометрии, одной и нескольких точек зрения, моно или бинокулярного зрения, по-видимому, в силу культурной установки художника и зрителя [18].

К большому сожалению, непосредственность восприятия, которая открывает путь в обход стереотипам к творчеству, пресекается уже на уровне детства современного ребенка [5]. Тяга к применению обратной перспективы носит естественный характер. Однако уже в детском саду и особенно при поступлении в школу «вывернутое» изображение порицается и даются образцы «правильного» рисунка. Психологи, проверяющие дошкольников на готовность к школьному обучению, в первую очередь определяют сформированность у них пространственных ориентаций, в том числе, путем заданий на копирование и изображение объемных фигур. Эти специалисты знают, что не менее 40% детей имеют проблемы геометрического изображения. При таких ошибках начинается обучение «как правильно», потому что от сформированности у ребенка умений ориентации в пространстве зависят отметки по чтению, письму, математике. Будут ли снижаться или повышаться учебные успехи при бережном сохранении умений обратной перспективы – вопрос будущим исследователям, но однозначно одно: сохранение такого «реликтового» видения мира положительно влияет на такие критерии оценки детских рисунков, как «отсутствие стереотипов», «оригинальность» и «творческая продуктивность» [12].

Современный ребенок, который начиная с детских книжек, мультиков, кино видит изображения, построенные по правилам линейной перспективы, подсознательно будет ее видеть и в окружающем мире. Учебных программ для детей, которые разрушают разные стереотипы восприятия, учат делать открытия, что вода в реке разноцветная, облака похожи на разных существ, а точка на чистом листе бумаге имеет свое настроение и т.д., таких программ мало. Удобнее дать ребенку образец правильного рисунка и отчитаться перед родителями о его удачном копировании. Остро требуются учебные программы для детей, которые отказываются от навязывания стереотипов, позволяют формировать не просто ремесленника, владеющего тем или иным методом, а мастера, творческой личности, креативные возможности которой могут быть реализованы в разных сферах.

Результаты.

В ходе исследования предположение о том, что обратная перспектива – вымышленный художниками прием изображения, не имеющий под собой объективной основы зрительного восприятия, оказалось несостоятельным.

Обратная перспектива изображений соответствует тому, что люди так видят. Исчезновение обратной перспективы в современной живописи, доминанта математической теории линейной перспективы, вероятно, является одним из проявлений отдаления человека от своего естества в современном мире, что требует глубоких и разносторонних антропологических и культурологических исследований.

Результатом исследования выступило выявленное противоречие между естественным характером зрительного восприятия пространственных перспектив в окружающем мире, которые находят отражение в произведениях художников всех времен, у детей и всех поколений коренных народов, не подвергшихся воздействию цивилизации, с одной стороны, и обучением в школе Эвклидовой геометрии, канонам черчения, которые «исправляют» «неправильное» видение школьниками перспектив в рисунке. В результате «некрасивый» детский рисунок из творческого произведения «глазами ребенка» превращается в одинаковый у всех детей чертеж, блокируя их способность произвольно отталкиваться от своих чувств и смело выражать свою «точку зрения» буквально.

Изображение объема на плоскости – результат и математики, и особенностей человеческого восприятия, и культуры. Элементы обратной перспективы есть и в античном искусстве, искусстве средневекового Востока, детском рисунке.

Привычная же современным людям прямая линейная перспектива – плод длительного развития человеческого разума. Линейная перспектива адекватно передает в изображении дальние участки пространства. Для ближних областей пространства адекватна легкая обратная перспектива. Художник, решая творческие задачи, ведет поиск наилучшего соотношения объективной и видимой геометрии. Протокольно-точная передача геометрии или обратная проекция –

это не выбор «правильности», это выбор способов воздействия на зрителя, потенциальных возможностей воздействия пространственных построений, поскольку ни тот, ни другой способ не является идеальным, а условием, зависящим от культурных установок. Конечно, выбор той или иной проекции остается за художником, но проблема в том, насколько он осознает значение такого выбора и умеет его делать [17].

Но и сегодня неестественность для близкого переднего плана изображений, построенных по законам линейной перспективы, заставляет художников постоянно отклоняться от нее и обращаться к более соответствующим закономерностям зрительного восприятия способам передачи пространственности.

Пути сохранения у детей умения отражать в рисунке разные перспективы, собственные чувства и ощущения, задумываться над средствами изображения третьего пространства – между ближним и дальним планом, которое может быть сфероидным, прислушиваться к себе – остается еще мало разработанной областью в преподавании рисунка [1; 27].

Заключение

Культурные смыслы обращения к проблеме сохранения естественной для человека способности видеть разные зрительные эффекты имеют отношение к развитию его творческого потенциала, к изучению нашего культурного наследия для его лучшего понимания и сохранения, к соблюдению прав коренных народов на свою культурную идентичность.

Список литературы

1. Браун Д. Учись рисовать перспективу. Мн.: ООО «Попурри», 2002. С. 54-72.
2. Бучек А.А. Этнопсихологические исследования «малых» народов северо-востока России // Люди великого долга: материалы междунар. ист. XXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 26-33.

3. Гончаров О.А., Тяповкин Ю.Н. Возрастная динамика зрительного восприятия перспективы // Вопросы психологии. 2005. № 6. С.54-73.
4. Гончаров О.А., Тяповкин Ю.Н. Культурные и экологические факторы восприятия перспективы у коренных жителей тундры // Культурно-историческая психология. 2007. Том 3. № 4. С. 2–10. <https://doi.org/10.17759/chp.2007030401>
5. Дилео Дж. Детский рисунок. Диагностика и интерпретация. М.: Апрель-Экспресс. ЭКСМО-Пресс.2001. 272 с.
6. Занберова Т.В. Основы перспективы в рисунке. Армавир 2019. 312 с.
7. Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений // Дисс... д.социол.н.. СПб, 2006. 340 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство. 2000. 704 с.
9. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментальнопсихологическое исследование // Психологическая наука и образование. 1997, № 4. С. 5-17.
10. Михеева И.Н. Поэтика изображения двух миров в феноменальном и ноуменальном пространстве цикла Н. С. Лескова «Праведники» // Вестник ЧГУ. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-izobrazheniya-dvuh-mirov-v-fenomenalnom-i-noumenalnom-prostranstve-tsikla-n-s-leskova-pravedniki> (дата обращения: 27.08.2023).
11. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007. С. 1072.
12. Немчинов Н.Н. К вопросу о восприятии и изображении перспективных отношений дошкольниками // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 21-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-voSPIriyatii-i-izobrazhenii-perspektivnyh-otnosheniy-doshkolnikami> (дата обращения: 27.09.2023).
13. Норлинг Э. Объемный рисунок и перспектива. М.: ЭКСМО, 2004. 160 с.
14. Основы живописи. Полное учебное пособие: Композиция, перспектива, живопись / д'Анриэ, Ф. Дитрих, А. Касан; пер. с франц. О. Кочетовой. Москва : Издательство АСТ, 2021. 368 с.

15. Панкова С. Ю. Культурологический анализ представлений о пространстве у людей разных народностей // Вестник славянских культур. 2015. №3 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-analiz-predstavleniy-o-prostranstve-u-lyudey-raznyh-narodnostey> (дата обращения: 21.08.2023).
16. Раушенбах Б. В. Геометрия картины и зрительное восприятие. М.: Азбука-Классика. Академия. 2001. 244 с.
17. Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов. М., 1980. 288 с.
- Раушенбах Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М.: Пальмира, 2023 г. 408 с.
18. Рябова М.А. Специфика образа мира представителей коренных малочисленных народов Севера юношеского возраста / Дис...к.психол.н. Хабаровск, 2020. 186 с.
19. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан : изд-во СМУ, 2005. С. 316.
20. Сподина В.И. Особенности традиционного мировоззрения лесных ненцев: Пространство и его восприятие / Дисс. ... к.ист.н. 2000. 137 с.
21. Терехин Н. М. Метафизика Севера : монография. Архангельск: Поморский университет, 2004. 272 с.
22. Тищенко С. М. Религиозная вера – основной ценностно-мотивационный аспект жизнеустройства в Африке южнее Сахары // Система ценностей современного общества. 2010. №10-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-vera-osnovnoy-tsennostno-motivatsionnyu-aspekt-zhizneustroystva-v-afrike-yuzhnee-sahary> (дата обращения: 27.08.2023).
23. Ульянов О. Г. «Окно в ноуменальное пространство»: обратная перспектива в иконописи и в эстетике о. Павла Флоренского. Тезисы доклада при Институте философии РАН. 15.02. М., 2006. 6 с.
24. Филимонов А.Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы. Дисс. ... к.ист.н. Владивосток, 2002. 240 с.
25. Флоренский П. А. Обратная перспектива. Соч в 4-х тт. Т.3(1). М.: Мысль, 1999. С.46-98.

26. Христоролюбова Т.П. Идеи русского символизма как основа художественной картины мира К. С. Петрова-Водкина // Идеи и идеалы. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-russkogo-simvolizma-kak-osnova-hudozhestvennoy-kartiny-mira-k-s-petrova-vodkina> (дата обращения: 27.09.2023).
27. Шумский А. Обратная перспектива. О загадке русской души. URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/04/30/obratnaya_perspektiva (дата обращения: 27.08.2023).
28. Юон К.Ф. Об искусстве. М. 1959, т.1. с.47
29. Deregowski J.B., Bentley A.M. Perception of pictorial space by bushmen // International Journal of Psychology, 1986. Vol. 21, pp. 46-57.
31. Deregowski J.B., Muldrow E.S., Muldrow W.F. Pictorial recognition in a remote Ethiopian population // Perception, 1990. Vol. 1, pp. 89-101.
32. Hudson W. Pictorial depth perception in subcultural groups in Africa // Journal of Social Psychology, 1960. Vol. 52, pp. 67-84.
33. Segall M.H., Campbell D.T., Herskovitz M.J. The Influence of Culture on Visual Perception. Indianapolis, 1966. 122 p.
34. Antonova, Clemena. On the problem of “reverse perspective”: definitions east and west // Leonardo, 2010. Vol. 43 (5), pp. 464–469, https://doi.org/10.1162/LEON_a_00039

References

1. Brown D. *Uchites' risovat' perspektivu* [Learn to draw perspective]. Minsk: LLC “Popurri”, 2002, pp. 54-72.
2. Buchek A. A. Etnopsihologicheskie issledovaniya «malyh» narodov severo-vostoka Rossii [Ethnopsychological studies of “small” peoples of the north-east of Russia]. *Lyudi velikogo dolga: materialy mezhdunar. ist. XXVI Krashenninik. chteniy* [People of great duty: materials of the international history XXVI Krashenninik readings]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009, pp. 26-33.
3. Goncharov O.A., Tyapovkin Y.N. Vozrastnaya dinamika zritel'nogo vospriyatiya perspektivy [Age dynamics of visual perception of perspective]. *Voprosy Psichologii*, 2005, no. 6, pp. 54-70.
4. Goncharov O.A., Tyapovkin Yu.N. Kul'turnye i ekologicheskie faktory vospriyatiya perspektivy u korennykh zhiteley tundry [Cultural and

- ecological factors of perspective perception in indigenous inhabitants of the tundra]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2007, vol. 3, no. 4, pp. 2-10. <https://doi.org/10.17759/chp.2007030401>
5. Dileo J. *Detskij risunok. Diagnostika i interpretaciya* [Children's drawing. Diagnostics and interpretation]. Moscow: April-Express. EXMO-Press, 2001, 272 p.
  6. Zanberova T.V. *Osnovy perspektivy v risunke* [Fundamentals of perspective in drawing]. Armavir, 2019, 312 p.
  7. Kuropyatnik M.S. *Korennyye narody v protsesse sotsiokul'turnykh izmeneniy* [Indigenous peoples in the process of socio-cultural change]. SPb, 2006, 340 p.
  8. Lotman Y.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb.: Art, 2000, 704 p.
  9. Luria A.R. Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh processov: eksperimental'no psihologicheskoe issledovanie [On the historical development of cognitive processes: an experimental psychological study]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 1997, no. 4, pp. 5-17.
  10. Mikheeva, I.N. Poetika izobrazheniya dvuh mirov v fenomenal'nom i noumenal'nom prostranstve cikla N. S. Leskova «Pravedniki» [Poetics of the image of two worlds in the phenomenal and noumenal space of N.S. Leskov's cycle "The Righteous"]. *Vestnik ChSU*, 2008, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-izobrazheniya-dvuh-mirov-v-fenomenalnom-i-noumenalnom-prostranstve-tsikla-n-s-leskova-pravedniki> (accessed 27.08.2023).
  11. Mukhina B. C. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyj vzglyad. Sistemnyj podhod. Innovacionnyye aspekty)* [Personality: Myths and Reality (Alternative View. System Approach. Innovative Aspects)]. Ekaterinburg: IntelFly, 2007, p. 1072.
  12. Nemchinov N. N. K voprosu o vospriyatii i izobrazhenii perspektivnykh otnoshenij doshkol'nikami [To the question of perception and depiction of perspective relations by preschoolers]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and Pedagogy: methodology and problems of practical application], 2011,

- no. 21-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozpriyatii-i-izobrazhenii-perspektivnyh-otnosheniy-doshkolnikami> (accessed: 27.08.2023).
13. Norling E. *Ob''emnyj risunok i perspektiva* [Volumetric drawing and perspective]. M.: EXMO, 2004, 160 p.
  14. *Osnovy zhivopisi. Polnoe uchebnoe posobie: Kompoziciya, perspektiva, zhivopis'* [Fundamentals of painting. Full textbook: Composition, perspective, painting] / d'Henrié, F. Dietrich, A. Kasan; per. rom Frants.O. Kochetova - Moscow: AST Publishing House, 2021, 368 p.
  15. Pankova S. Yu. *Vestnik Slavicheskikh kultur*, 2015, no. 3 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskij-analiz-predstavleniy-o-prostranstve-u-lyudey-raznyh-narodnostey> (accessed: 21.08.2023).
  16. Rauschenbach B. V. *Geometriya kartiny i zritel'noe vozpriyatie* [Geometry of the picture and visual perception]. M.: Azbuka-Klassika. Academy, 2001, 244 p.
  17. Rauschenbach B. V. *Prostranstvennyye postroeniya v zhivopisi. Ocherk osnovnykh metodov* [Spatial constructions in painting. Sketch of basic methods]. M., 1980, 288 p.
  18. Rauschenbach B.V. *Sistemy perspektivy v izobrazitel'nom iskusstve. Obshchaya teoriya perspektivy* [Systems of perspective in the fine arts. General theory of perspective]. M., Palmyra, 2023, 408 p.
  19. Ryabova M.A. *Specifika obraza mira predstavitelej korennykh malochislennykh narodov Severa yunosheskogo vozrasta* [Specificity of the image of the world of representatives of indigenous small-numbered peoples of the North of youthful age]. Khabarovsk, 2020, 186 p.
  20. Serkin V. P. *Obraz mira i obraz zhizni* [The image of the world and the way of life]. Magadan: SMU Publishing House, 2005, p. 316.
  21. Spodina V.I. *Osobennosti tradicionnogo mirovozzreniya lesnykh nencev: Prostranstvo i ego vozpriyatie* [Features of the traditional worldview of the forest Nenets: Space and its perception]. 2000, 137 p.
  22. Terebikhin N. M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]: monograph. Arkhangelsk: Pomorsky University, 2004, 272 p.
  23. Tishchenko S. M. *Religioznaya vera – osnovnoj cennostno-motivacionnyj aspekt zhizneustrojstva v Afrike yuzhnee Sahary* [Religious faith - the

- main value-motivational aspect of life in Sub-Saharan Africa]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of Values of Modern Society], 2010, no 10-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reli-gioznaya-vera-osnovnoy-tsennostno-motivatsionnyy-aspekt-zhizneustroystva-v-afrike-yuzhnee-sahary> (accessed: 27.08.2023).
24. Ulyanov O. G. *Okno v noumenal'noe prostranstvo: obratnaya perspektiva v ikonopisi i v estetike o. Pavla Florenskogo* [Window to the noumenal space": reverse perspective in icon painting and in the aesthetics of Father Pavel Florensky]. Pavel Florensky. Theses of the report at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. M., 2006, 6 p.
  25. Filimonov A.G. *Kollektivnye predstavleniya nivhskogo etnosa: vzamiodejstvie cheloveka, sociuma i prirody* [Collective Representations of the Nivkh Ethnos: Interaction of Man, Society and Nature]. Vladivostok, 2002, 240 p.
  26. Florensky P. A. *Obratnaya perspektiva* [Reverse Perspective]. Soch in 4 vols, vol. 3(1). Moscow: Mysl, 1999, pp. 46-98.
  27. Khristolyubova T.P. *Idei russkogo simvolizma kak osnova hudozhestvennoj kartiny mira K. S. Petrova-Vodkina* [Ideas of Russian symbolism as the basis of the artistic picture of the world of K. S. Petrov-Vodkin]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2011, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-russkogo-simvolizma-kak-osnova-hudozhestvennoy-kartiny-mira-k-s-petrova-vodkina> (accessed: 27.08.2023).
  28. Shumsky A. *Obratnaya perspektiva O zagadke russkoj dushi* [Reverse perspective On the mystery of the Russian soul]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2011/04/30/obratnaya_perspektiva (accessed: 27.08.2023).
  29. Yuon K.F. *Ob iskusstve* [On Art]. M. 1959, vol.1, p.47.
  30. Deregowski J.B., Bentley A.M. Perception of pictorial space by bushmen. *International Journal of Psychology*, 1986, vol. 21, pp. 46-57.
  31. Deregowski J.B., Muldrow E.S., Muldrow W.F. Pictorial recognition in a remote Ethiopian population. *Perception*, 1990, vol. 1, pp. 89-101.
  32. Hudson W. Pictorial depth perception in subcultural groups in Africa. *Journal of Social Psychology*, 1960, vol. 52, pp. 67-84.
  33. Segall M.H., Campbell D.T., Herskovitz M.J. The Influence of Culture on Visual Perception. Indianapolis, 1966, 122 p. 34. Antonova, Clemena. On the problem of "reverse perspective": definitions east and west. *Leonardo*, 2010, vol. 43 (5), pp. 464–469, https://doi.org/10.1162/LEON_a_00039

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лытов Максим Сергеевич, доцент кафедры «Монументально-декоративная живопись»

Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова

Волоколамское ш., 9, г. Москва, 125080, Российская Федерация
maxlytov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maxim S. Lytov, Associate Professor of the Department of Monumental and Decorative Painting

Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts
(Stroganov Academy)

9, Volokolamskoe highway, Moscow, 125080 Russian Federation
maxlytov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0290-9634>

Поступила 02.09.2023

После рецензирования 15.09.2023

Принята 28.09.2023

Received 02.09.2023

Revised 15.09.2023

Accepted 28.09.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-102-116

УДК 7.03:94(3)

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

НЕКОТОРЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СТАРОЕГИПЕТСКОЙ ЧАСТНОЙ ГРОБНИЦЫ

Ф.И. Куликов

В статье исследуется механизм функционирования изобразительного пространства египетской вельможеской гробницы периода Старого царства как системы изобразительных и архитектурных компонентов. Назначение погребения и механизм функционирования системы в значительной степени определяли тематику и содержание сюжетов, что придает теме работы особую актуальность. Используется системный анализ рельефов из более ста погребений некрополей Гизы и Саккары, основное внимание уделяется оформлению больших гробниц Иасена и Чи. Показано, что универсальным механизмом функционирования системы уровня «большое изображение хозяина – расположенная рядом сцена» является устойчивая корреляция между элементами атрибутивного набора вельможи и содержанием сюжетов, причем большое изображение вельможи ценно не само по себе, а как набор нужных атрибутов, позволяющих заниматься «смотрением» на соответствующие этим атрибутам сюжеты. Выявлен новый необычный вариант корреляции путем изображения вельможи без нужного атрибута, но в определенной позе, при которой этот атрибут обычно присутствует. Таким образом, комбинация необходимых инсигний в сочетании с позой изображенного вельможи наделяли большое изображение хозяина дополнительными функциями, позволяющими ему коррелировать с несколькими сюжетами и сценами разного содержания.

Ключевые слова: египетская гробница; система; египетский рельеф; семиотика; культура Древнего Египта

Для цитирования. Куликов Ф.И. Некоторые механизмы функционирования изобразительного пространства староегипетской частной гробницы // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 102-116. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-102-116

Original article | Theory and History of Culture and Art

REVISITING THE MECHANISMS OF FUNCTIONING OF THE ARTISTIC SPACE OF AN OLD EGYPTIAN PRIVATE TOMB

F.I. Kulikov

This paper examines the mechanism of functioning of the artistic space of the Egyptian noble tomb of the Old Kingdom period as a system of pictorial and architectural components. The purpose of the burial and the mechanism of functioning of the system to a great extent determined the themes and content of the plots, which contributes a special relevance to the study. A systematic analysis of reliefs from more than a hundred burials of the necropolises of Giza and Saqqara is used, with a focus on the design of the large tombs of Yasen and Chi. The paper emphasizes the fact that the universal mechanism for the functioning of the level system “a large image of the owner – a nearby scene” is a stable correlation between the elements of the attribute set of the nobleman and the content of the plots. Moreover, a large image of the nobleman is valuable not only as an image itself, but also as a set of necessary attributes that allow one to engage in “contemplating” on the images corresponding to these attributes. A new unusual variant of correlation has been identified by depicting a nobleman without the required attribute, however in a certain pose in which this attribute is usually present. Thus, the combination of the necessary insignia, combined with the pose of the depicted nobleman, endowed the large

image of the owner with additional functions, allowing it to correlate with several plots and scenes of different content.

Keywords: *Egyptian tomb; system; Egyptian relief; semiotics; ancient Egyptian culture*

For citation. *Kulikov F.I. Revisiting the Mechanisms of Functioning of the Artistic Space of an Old Egyptian Private Tomb. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 102-116. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-102-116*

Введение

Основной материал по культуре, мировоззрению, экономике, социальному строю и государственному управлению древних египтян времени Старого царства современные историки и культурологи получают из частных (вельможеских) гробниц – мастаб. Главным объектом исследования при этом, привлекающим внимание и серьезных ученых, и любителей древности, являются, безусловно, настенные изображения из суперструктуры погребений, выполненные в технике рельефа или, гораздо реже – росписи. Многообразие бытовых и хозяйственных сцен и кажущийся реализм в передаче мелких подробностей жизни вельможеского хозяйства вызывает у современного зрителя «иллюзию присутствия», а у исследователей на протяжении более чем ста лет – почти полное доверие к этому источниковому материалу. Настораживала лишь необычная манера египтян изображать людей, пренебрегать художественной перспективой и светотенью, выстраивать композицию ярусами, но всё это, чаще всего, объяснялось неумением мастера и стойкими пережитками ранних практик. В эпоху господства в отечественной и зарубежной историографии теории тождества древнего и современного сознания египетская настенная изобразительность казалась открытой книгой, а работа исследователей древнеегипетского изобразительного искусства зачастую сводилась к формальному описанию и комментированию с акцентом на некую сакральность и религиозное назначение изобразительного пространства. Обусловленность содержания рельефов и манеры исполнения некими представлениями египтян о

загробном мире и посмертной судьбе мало что давало к пониманию, поскольку о самих этих представлениях либо известно было очень мало, либо они оказывались настолько необычными, что с трудом описывались современными общеупотребительными категориями и терминами. Проблема могла бы решаться на материале более позднего Среднего и Нового царства, когда в погребениях стали массово изображаться главные боги египетского пантеона и появились сцены так называемого загробного мира. Однако представления о посмертной судьбе человека в Старом, Среднем и Новом царстве, очевидно, сильно различались, о чем говорит и практически полное отсутствие изображений богов в мастабах Старого царства, и явное акцентирование внимания староегипетских жителей на Двойнике (ка), для которого, собственно, они и строили свое погребение.

Исследования современных египтологов убедительно показали, что частная гробница Старого царства предназначалась, прежде всего, для поддержания существования Двойника (ка) ее владельца. Под Двойником, очевидно, понимался мысленный образ человека, возникающий в голове всех знавших и вспоминаящих его людей [2, с. 51-55]. Поскольку Двойник считался одной из сущностей человека, о нем надлежало заботиться даже после ухода из жизни, как самого этого человека, так и всех знавших его людей. Надежным обеспечением вечного существования Двойника египтяне считали его изображение (как правило, вместе с домочадцами), которое, как видно из анализа надписи возле гробничного жреца Хенемети, проведенного О.Д. Берлевым, мыслилось «дверью выхода» [1, с. 27]. Но для комфортного бытования Двойника необходимо было создать в гробнице изобразительное пространство, включающее сельскохозяйственные, ремесленные, бытовые сцены и сюжеты, сцены доставки продуктов, животных, птицы и нужных вещей, а также сцены службы жрецов в пользу Двойника у ложной двери на западной стене часовни – всё то, что видит современный посетитель гробниц и музеев [3].

Проблема для исследователей заключается в том, что это изобразительное пространство на поверку оказалось сложной многоуровневой

системой архитектурных и изобразительных компонентов. Законы, по которым эта система функционировала, нам еще плохо понятны, но уже сейчас ясно, что они определяли не только локализацию сцен и сюжетов внутри суперструктуры, но также их отбор, содержание и манеру исполнения. Последнее обстоятельство побуждает исследователей обратить внимание на механизм функционирования староегипетской частной гробницы, без понимания которого наши представления египетской жизни не могут быть адекватными.

Новизна работы состоит в попытке рассмотреть закономерности построения египетского рельефа – отдельного сюжета, сцены и композиции с позиций современной египтологии. Так случилось, что египтология традиционно сформировалась как дисциплина, в большей степени, филологическая, предусматривающая преимущественное изучение текстового материала, а закономерности построения настенных изображений редко оказываются предметом исследования египтологов. С другой стороны, искусствоведы, по понятным причинам, не всегда готовы адекватно использовать наработки историков. И дело тут не столько в их способности проникнуть сквозь сложную терминологию египтологов в мировоззренческую подоплеку египетского рельефа, сколько в отличном объекте исследования. Историков культуры чаще всего интересуют геометрия картины, способы передачи пространства на плоскости изображения и прочее, причем мерилom оценки до сих пор берутся каноны ренессансной перспективы [7, с. 5]. Между тем, методы исследования и оценочные критерии, применяемые к западному искусству, совершенно не годятся для египетского уже в силу того, что последнее является продуктом мышления, отличного от нашего, иного отношения человека к миру, иного восприятия пространства и времени [8, с. 9-35].

Объектом исследования является изобразительное пространство египетских частных гробниц Старого царства, представляющее собой систему архитектурных и изобразительных компонентов. Среди более ста погребений этого периода нас более всего интересуют богатые рельефами гробницы Иасена и Чи, несколько сюжетов из

которых позволяют понять общие принципы построения системы уровня «фигура хозяина – размещенная перед ним сцена».

В отечественной и зарубежной историографии найдется немного работ историков культуры и искусствоведов, полностью посвященных египетским рельефам. В первую очередь, необходимо указать работы советского искусствоведа М.Э. Матве [6] с прекрасным анализом этапов становления и развития египетского изобразительного искусства. Общие принципы построения египетского рельефа представлены в книге немецкого исследователя Г. Шефера [13]. Среди работ зарубежных египтологов можно отметить труд У. Смита [15] по истории скульптуры и настенных рельефов, а также П. Джанози [11] о структуре и значении архитектурных компонентов египетской гробницы. Особо стоят работы, посвященные изучению египетского канона пропорций, среди которых, прежде всего, следует назвать основательную по степени разработанности темы монографию Е. Иверсена [10] и статью Г. Робинс [12], в которой автор пытается понять, каким способом египетский художник мог использовать квадратную сетку при построении композиции картины. Отдельное внимание следует уделить монографии Б.В. Раушенбаха, где автор на египетском материале исследует принципы пространственного построения в живописи и системы изобразительной перспективы. Ценным является замечание, что «цели художников разных эпох были совершенно различными», а значит развитие методов пространственных построений нельзя представить себе как монотонный подъем на вершину некоей горы абсолютного совершенства [7, с. 231]. Среди современных египтологов, исследующих египетскую изобразительность в контексте ее специфического, отличного от нашего, назначения необходимо, в первую очередь, назвать Андрея Олеговича Большакова, обратившегося к проблеме иконографического оформления гробницы для объяснения некоторых особенностей мировосприятия египтян [2; 8]. Однако публикации, в которых египетская гробница рассматривается как многоуровневая система, нам не известны.

Целью данного исследования является выявление некоторых правил, которыми руководствовался египетский художник при

оформлении настенными рельефами суперструктуры староегипетских частных гробниц. Для достижения поставленной цели следует дать общее представление о характере взаимодействия элементов системы уровня «большое изображение вельможи – расположенная перед ним сцена» и рассмотреть на примере необычной иконографии Чи и Иасена как такое взаимодействие создавалось египетским художником практически.

Материалы и методы

В работе над данной темой использовались научные публикации о более чем ста гробницах Старого царства из некрополей в Гизе и Саккаре. Главным и действенным методом работы со столь массовым материалом стал системный анализ, предполагающий изучение суперструктуры погребения и изобразительного пространства как сложной многоуровневой системы взаимозависимых архитектурных и изобразительных компонентов – отдельных фигур, сюжетов и сцен. Формальный анализ сотен изображений позволяет выявить закономерности в их иконографии и локализации, а контент-анализ – систематизировать и классифицировать собранный материал, выявить так называемые исключения из общих правил. Работа с массовым египетским изобразительным материалом в значительной степени облегчается его особенностью: иконография многочисленных фигур хозяина и содержание многих сцен многократно повторяются с небольшими вариациями и довольно легко объединяются в обзорное число групп. Более того, и сами изображения – хозяина и работников, – представляют собой различные комбинации немногих атрибутов [3]. Замеченные при этом исключения с необычной иконографией или локализацией побуждают исследователя акцентировать внимание на аспектах, обычно выпадающих из поля зрения.

Результаты исследования

Важным уровнем системы староегипетской частной гробницы является пара компонентов «фигура хозяина гробницы – размещенная перед ним сцена». Изображенный вельможа, являясь ком-

позиционным центром картины, выполняет в этой системе важную функцию – он занимается «смотрением» (так часто пишут перед его рельефом) на изображенные ярусами работы, давая возможность им осуществляться [5, с. 44-45]. Очевидно, что и при жизни вельможе, будучи чиновником, приходилось контролировать деятельность земледельцев, пастухов и ремесленников, а значит, в этом случае мы видим элементарный перенос обычной древнеегипетской административной практики в реалии мира Двойника.

Присущая всякой системе корреляция компонентов выявляется в нашем случае по итогам анализа иконографии хозяина погребения и содержания соответствующей сцены. Оказывается, что для каждого вида работ предполагался определенный набор атрибутов у изображенного вельможи [3]. Вероятно, что и эта замеченная закономерность объясняется адаптацией староегипетских реалий к сгенерированному художником миру Двойника. И действительно, нет ничего необычного в том, что, к примеру, отправляющийся с инспекцией к пастухам чиновник должен был захватить с собой посох, сандалии, длинный парик, платок и громоздкое льняное опоясание вокруг бедер, а зашедший с той же целью в ремесленную мастерскую – посох, короткий парик, жезл и легкое льняное опоясание.

Об искусственном конструкте, то есть о корреляции компонентов композиционных объектов, не имеющей аналогов в повседневности, мы можем говорить лишь тогда, когда мастер, в силу ряда причин, совмещал в одной сцене, и даже на одном ярусе, сюжеты самого разного содержания – пастьбы скота, пахоты поля, сбора урожая и тому подобное. Невзирая на то, что эти работы не могли происходить в одном месте и даже в одно время. В египетской повседневности эта комбинация была невозможна, но она немедленно сказывалась на иконографии хозяина: художник снабжал его атрибутивным набором, в реальной жизни недопустимым, но необходимым для сохранения нужной корреляции с каждым сюжетом, а значит для функционирования системы.

Учёт этой закономерности помогает понять правила, по которым строилось многие рельефы, обычно выносимые исследователями

египетского иконографического канона в разряд исключений. Для примера рассмотрим рельефы из гробницы вельможи Иасена [14], жившего в правление царя шестой династии Тети. В восточной части северной стены часовни Иасен изображен путешествующим в легкой тростниковой лодке в камышовой затоке Нижнего Египта [14, fig. 123]. Сам рельеф находится на стене внутри часовни, прямо перед входом в это помещение, где, как правило, часто и размещали подобные сюжеты. Обычно вельможа в лодке показывается либо за ловлей рыбы, либо охотящимся на птиц, для чего снабжается художником, соответственно, гарпуном или метательной палкой. Сообразно случаю, он носит, чаще всего, короткий парик и легкое льняное опоясание, совершенно не сковывающее движения. Однако в нашем случае Иасен в лодке показан весьма необычно: на голове его весьма неудобный длинный закрывающий уши парик, а на бедрах – столь же неподходящее громоздкое опоясание с выпущенной вперед лопастью. Такие опоясания (на рельефах они выглядят как бы с выступающим углом) обычно можно видеть на вельможах, занятых административной службой. К примеру, в этой же гробнице, Иасен показан в таком одеянии смотрящим за работами в поле [14, fig. 30] и за подгоном скота [14, fig. 31]. Помимо неподходящего опоясания недоумение вызывает и поза Иасена: в поднятой правой руке, параллельно линии воды, он держит не острогу, и не метательную палку, а сорванный длинный стебель папируса. Другой, растущий в воде стебель, он схватил левой рукой, подобно тому, как вельможа обычно держит посох. На то, что перед нами всё же болотная сцена, указывают и густые заросли папируса с птицами, и двое кормчих на корме лодки, и мужчина, протягивающий Иасену целый ворох добытых птиц.

Без сомнения, у художника должна была быть серьезная причина для подобного симбиоза, не имеющего в жизни аналога. Вероятнее всего, изображение Иасена в лодке наделялось таким способом дополнительными административными функциями. И действительно, сразу за его спиной художник разместил большую сцену, которая делится по содержанию на два больших сюжета [13, fig. 123]. В левой

ее части мы видим в трех ярусах изображения работ земледельцев: сбор пшеницы серпами и скирдование, доставку ослими тюков с колосьями на ток и обмолот зерна баранами. Смотрением на эту часть сцены занимается Иасен в вельможном опоясании, опирающийся на длинный посох. В правой части сцены мастер представил сюжеты работы пастухов в болотистом Низовье: кормление быков, отёл коров и подгон скота Иасену. Безусловно, эта часть сцены ориентирована на хозяина в лодке (на что, в частности, указывает направление подгона скота), и для того, чтобы он мог заняться «смотрением», художник, составляя композицию, прибег к намеку. Он снабдил Иасена нужным чиновнику опоясанием, а стеблем папируса в левой руке наметнул на наличие посоха, совершенно лишнего в сцене охоты или рыбной ловли, но необходимого в административной работе. Наличие опоясания с выступающим углом и посоха диктуется, кроме этого, и расположением рельефа – вплотную к входу в часовню. Именно здесь, или на косяках входа, очень часто размещали одиночные или парные фигуры хозяина, встречающего доставку в гробницу вещей или подгон скота. При этом вельможа, согласно своей задаче, держит в руках посох, жезл или платок, которые даже в отсутствие других изображений указывали на их наличие.

Еще одно, не менее интересное изображение хозяина обнаруживается в гробнице Чи [9] – чиновника очень высокого ранга при дворе царя V династии Ниусерра. Его гробница в Саккаре считается одной из самых больших частных погребений времени Старого царства, а интересующая нас сцена находится на северной стене большой часовни с двумя колоннами, двумя ложными дверями и сердабами прямо перед входом в нее. Чи [9, pl. CXVIII] здесь показан стоящим в тростниковой лодке в зарослях нижеегипетского папируса, по соседству с большой болотной сценой: в нескольких ярусах художник разместил сюжеты отлова и разделки птицы, вылова рыбы сетями, а также работы пастухов [9, pl. CXXII]. Хозяин в лодке совершенно не к месту изображен с посохом в левой руке и с платком в правой, в льняном вельможеском опоясании с выступающим вперед углом, в длинном парике, с ожерельем на шее, и с небольшой подвязной

бородой на подбородке. В египетских настенных рельефах хозяин гробницы изображался так часто, но если он не путешествовал при этом в лодке, а наблюдал за полевыми работами.

Впрочем, необычная иконография Чи объясняется просто: прямо перед его фигурой обнаруживается соответствующая случаю многоярусная сцена. В верхних ярусах мы видим челядинцев, собирающих папирус и вылавливающих сетью рыбу, а в двух нижних – как другие работники пашут поле плугом и загребают разбросанные зерна мотыгами [9, рl. СХIII]. При этом сельскохозяйственная сцена не ограничивается северной стеной, а продолжается за входным проемом на восточной стене: прямо напротив изображения Чи подробно показано завершение предыдущих работ – сбор челядинцами созревшего урожая серпами. Ниже рельефа Чи в лодке размещена большая сцена доставки, ориентированная на западную стену: более десяти челядинцев несут к северной ложной двери продукты на столиках, птицу и лотос. Безусловно, странная иконография Чи в лодке объясняется его задачей смотра на вспашку поля и сбор урожая, а папирусная лодка была необходима, поскольку только она и инкорпорировала Чи в болотную сцену.

Отдельное внимание следует уделить и бороде Чи. Поскольку все изображенные в гробнице люди должны быть ритуально чисты и не иметь растительности на теле, борода всегда была подвязная и прилаживалась к подбородку непосредственно перед жреческой службой [4, с. 83]. Появление такой бороды у Чи объясняется еще одной функцией: находясь непосредственно перед входом в часовню, он должен был совершать определенные обряды, какие обычно и совершались в проходах из одного помещения в другое, или на входе в систему помещений суперструктуры.

Выводы

1. Египетская вельможеская гробница является сложной многоуровневой системой, важным элементом которой может считаться пара «большая фигура вельможи – расположенная рядом сцена». В этой паре вельможа занят «смотрением», необходимым для преоб-

разования рельефных изображений в их «образы выхождения», благодаря чему в гробнице и возникает мир Двойника. Взаимодействие элементов системы этого уровня осуществляется путем устойчивой корреляции между определенными атрибутами вельможи и содержанием сюжетов. Корреляция сохраняется даже в случае совмещения в одной сцене сюжетов, передающих работы, происходящие в разное время и в разных местах.

2. Используя принцип совмещения атрибутов, египетский мастер наделил одно изображение Чи по меньшей мере тремя функциями: плавания в зарослях Низовья, смотрения на земледельческие работы в Верхнем Египте и совершение службы непосредственно внутри собственной гробницы.

3. Анализ большой сцены из гробницы Иасена и Чи позволил выявить новые способы корреляции элементов системы. Оформляя суперструктуру мастабы Иасена, художник не показывает нужный предмет, а лишь намекает на его наличие, придавая фигуре хозяина вполне определенную позу, при которой этот предмет (посох) всегда присутствует.

4. Сделанные замечания позволяют предположить, что атрибуты и инсигнии на изображении вельможи – владельца погребения не только фиксировали наличие определенного сюжета в сцене, но и могли намекать на его присутствие. Мастеру достаточно было снабдить большую фигуру хозяина нужными предметами, которые уже сами по себе порождали соответствующие сцены работ или доставки.

Заключение комитета по этике. Неприменимо.

Информированное согласие. Неприменимо.

Список литературы

1. Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1978. 367 с.
2. Большаков А.О. Человек и его Двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.: Алетейя, 2001. 285 с.

3. Куликов Ф.И. Изобразительное пространство староегипетской частной гробницы как знаковая система // *Russian Studies in Culture and Society*. Volume 6, Number 4. Красноярск, 2022. С. 172-187. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-4-172-187>
4. Куликов Ф.И. Иконография hr(j)-hb.t в оформлении староегипетских вельможеских гробниц // *Петербургские египтологические чтения 2005*. Труды Государственного Эрмитажа. XXXIV. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. С. 75-88.
5. Куликов Ф.И. Титул херихеб как компонент системы «хозяин-сцена» в египетской частной гробнице Старого царства // *Вестник древней истории*. М.: Наука, 2020. № 1 (т.80). С. 33-45.
6. Матье М.Э. Искусство древнего Египта. М.: Искусство, 1961. 606 с.
7. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. М.: Аграф, 2012. 240 с.
8. Bolshakov A.O. Hinting as a Method of Old Kingdom Tomb Decoration // *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion*. Göttingen, 1994. P. 9-35.
9. Epron L., Daumas F., Goyon G. Le tombeau de Ti. T.II. Le Caire, 1939. 115 p.
10. Iversen E. Canon and Proportions in Egyptian Art. London, 1955. 75 p.
11. Janosi P. Structure and Significance : Thoughts on Ancient Egyptian Architecture. Wien, 2005. 476 p.
12. Robins G. Composition and the Artist's Squared Grid // *Journal of the American Research Center in Egypt*. V. XXVIII. Chicago, 1991. P. 41-54.
13. Schäfer H. Principles of Egyptian art. Oxford: Clarendon Press, 1974. 570 p.
14. Simpson W.K. Mastabas of the Western Cemetery. Pt I. Sekhemka (G 1029); Tjetu I (G2001); Iasen (G 2196); Penmeru (G 2197); Hagy, Nefetjentet and Herunefer (G 2352/53); Djaty, Tjetu II and Nimesti (G 2337X, 2343, 2366) (Giza Mastabas. Vol. 4). Boston, 1980. 184 p.
15. Smith W.S. A history of Egyptian sculpture and Painting in the Old Kingdom. London, 1949. 422 p.

References

1. Berlev O.D. *Obshchestvennyye otnosheniya v Egipte epohi Srednego carstva*. [Social relations in Egypt during the Middle Kingdom]. Moscow: The science, 1978, 367 p.
2. Bol'shakov A.O. *CHelovek i ego Dvojniki: Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo carstva* [Man and His Double: Figurativeness and Worldview in Egypt of the Old Kingdom]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2001, 285 p.
3. Kulikov F.I. The Decorative Space of an Ancient Egyptian Private Tomb as a Sign System. *Russian Studies in Culture and Society*. vol. 6, no. 4. Krasnoyarsk, 2022, pp. 172-187. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-4-172-187>
4. Kulikov F.I. Iconography of hr(j)-hb.t in the design of ancient Egyptian noble tombs. *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2005. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. XXXIV* [Petersburg Egyptological Readings 2005. Proceedings of the State Hermitage. XXXIV]. Saint-Petersburg: State Hermitage, 2006, pp.75-88.
5. Kulikov F.I. The title of hr(j)-hb.t as a component of “the master-scene” system in an Egyptian Old Kingdom private tomb. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 2020, no. 1, pp. 33-45.
6. Mat'ye M.E. *Iskusstvo drevnego Egipta*. [Art of Ancient Egypt]. Moscow: Art, 1961, 606 p.
7. Raushenbah B.V. *Geometriya kartiny i zritel'noe vospriyatie*. [Geometry of the painting and visual perception]. Moscow: Agraf, 2012, 240 p.
7. Bolshakov A.O. Hinting as a Method of Old Kingdom Tomb Decoration. *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion*. Gottingen, 1994, pp. 9-35.
8. Epron L., Daumas F., Goyon G. *Le tombeau de Ti. T.I. Le Caire*, 1939.
9. Iversen E. *Canon and Proportions in Egyptian Art*. London, 1955.
10. Janosi P. *Structure and Significance : Thoughts on Ancient Egyptian Architecture*. Wien, 2005. 476 p.
11. Robins G. Composition and the Artist's Squared Grid. *Journal of the American Research Center in Egypt*. V. XXVIII. 1991.
12. Robins G. Composition and the Artist's Squared Grid. *Journal of the American Research Center in Egypt*. V. XXVIII. Chicago, 1991, pp. 41-54.

13. Schäfer H. Principles of Egyptian art. Brunner-Traut E. Aspective. Oxford, 1986.
14. Simpson W.K. Mastabas of the Western Cemetery. Pt I. Sekhemka (G 1029); Tjetu I (G2001); Iasen (G 2196); Penmeru (G 2197); Hagy, Nefetjentet and Herunefer (G 2352/53); Djaty, Tjetu II and Nimesti (G 2337X, 2343, 2366) (Giza Mastabas. Vol. 4). Boston, 1980.
15. Smith W.S. A history of Egyptian sculpture and Painting in the Old Kingdom. London, 1949, 422 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Куликов Фёдор Иванович, кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и археологии
Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 1, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай, 649000,
Российская Федерация
fedkulikov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedor I. Kulikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of History and Archeology
Gorno-Altai State University
1, Lenin Str., Gorno-Altaysk, Republic of Altai, 649000, Russian
Federation
fedkulikov@yandex.ru

Поступила 03.09.2023

После рецензирования 15.09.2023

Принята 26.09.2023

Received 03.09.2023

Revised 15.09.2023

Accepted 26.09.2023

DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-117-132
УДК 168.522

Научная статья | Теория и история культуры, искусства

«ЛЕДА И ЛЕБЕДЬ» С.Д. ЭРЬЗИ (1922, 1929) В КОНТЕКСТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

И.В. Клюева

Цель данной статьи – выявление особенностей интерпретации античного сюжета «Леда и лебедь» в творчестве скульптора Степана Дмитриевича Эрзы (1876–1959), обращавшегося к нему дважды – в 1922 г. на Кавказе (кавказский орех) и в 1929 г. в Аргентине (кебрачо). Для достижения поставленной цели использована методология культурологии и искусствоведения: сравнительно-исторический метод; иконографический метод, а также формально-стилистический анализ произведений скульптуры, включающий их интерпретацию (истолкование символики и смысла) и стилистическое определение. Источниками исследования являются подлинники обоих произведений скульптора на данную тему, находящиеся сегодня в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С.Д. Эрзы, а также материалы отечественной и зарубежной прессы 1920-х гг., содержащие отзывы на них. Показано, что, находясь в поле притяжения стиля модерн и символизма, испытывавших особое тяготение к теме «Леда и лебедь», С.Д. Эрзя в ее интерпретации тяготел к индивидуальным решениям, иконографической нестандартности.

Ключевые слова: С.Д. Эрзя; Леда и лебедь; античный миф; искусство XX в.; скульптура

Для цитирования. Клюева И.В. «Леда и Лебедь» С.Д. Эрзы (1922, 1929) в контексте изобразительной традиции // *Russian Studies in Culture and Society*. 2023. Т. 7, № 3. С. 117-132. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-117-132

Original article | Theory and History of Culture and Art

«LEDA AND THE SWAN» BY S.D. ERZIA (1922, 1929) IN THE CONTEXT OF ARTISTIC TRADITION

I. V. Klyueva

The purpose of this study is to identify the peculiarities of the interpretation of the ancient myth of Leda and the Swan in the work of sculptor Stepan Dmitrievich Erzia (1876–1959), twice addressing this topic – in 1922 in the Caucasus (Caucasian walnut wood) and in 1929 in Argentina (quebracho). To achieve this goal, the methodology of culturology and art history was used: comparative historical method; iconographic method, as well as formal-stylistic analysis of works of sculpture, including their interpretation (symbols and meaning) and stylistic definition. The sources of the research are the original works on this topic created by the sculptor and now located in the Mordovia Republican Fine Arts Museum named after S.D. Erzia; materials from the Russian and foreign press of the 1920s, containing reviews of the sculptor's works. It is shown that, being in the field of attraction of the Art Nouveau style and symbolism, which had a special attraction to the theme of “Leda and the Swan”, in its interpretation the artist gravitated towards individual solutions and iconographic non-standardism.

Keywords: *S.D. Erzia; Leda and the Swan; ancient myth; 20th century art; sculpture*

For citation. *Klyueva I. V. «Leda and the Swan» by S.D. Erzia (1922, 1929) in the Context of Artistic Tradition. Russian Studies in Culture and Society, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 117-132. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-3-117-132*

Введение

Мифы о любовных похождениях Зевса – верховного бога Олимпа вдохновляли многих художников, прежде всего европейских. Героинями известных произведений мирового искусства стали возлюбленные божества Антиопа, Данаида, Европа, Каллисто, Фетида.

Однако самой привлекательной из них для художников оказалась Леда – прекрасная дочь царя Этолии Фестия, супруга царя Спарты Тиндарея, которой Зевс овладел, приняв облик лебеда. Как писал еще в 1850 г. крупный нумизмат и геральдист Российской империи, основатель и секретарь Русского археологического общества барон Б.В. Кёне, «... ни одна героиня не обессмерчена столькими произведениями искусств, как Леда» [4, с. 200].

Образ Леды воплощен в большом количестве античных скульптур. Наиболее известной из них является работа грека Тимофея «Леда с лебедем» (IV в. до н. э.). Кёне составил перечень наиболее значительных памятников античности с изображением царицы Леды (скульптура, живопись, глиптика – резьба на полудрагоценных камнях). Он систематизировал античную иконографию царицы Спарты, выявив ее основные особенности в разных видах искусства. В произведениях скульптуры Леда, как правило, одной рукой держит лебеда, а другой поднимает одежду (*ampechionion*); значительно реже встречаются изображения Леды сидящей или лежащей [4, с. 201–202]. В живописных произведениях иконография Леды в целом сходна со скульптурной: в большей их части женщина изображена стоящей и держащей лебеда одной рукой. Лишь на одной из картин Леда изображена лежащей и предлагающей лебедю пищу из фиала [4, с. 202]. На многочисленных глиптах Леда, намеревающаяся обнять лебеда, изображена в разных положениях: коленопреклоненной, лежащей и (реже) стоящей. Кёне заключает, что «древние художники любили избирать Леду предметом своих созданий», причем немалое количество этих произведений отличается «сладострастным стилем» – неслучайно живописцев, создававших работы в этом стиле, в древности называли порнографами – «*πορνογράφου*» [4, с. 203]. Кёне практически игнорирует тот факт, что античная иконография сюжета разделяется также по другому принципу: в одном типе изображения Леда либо борется с лебедем, либо побеждена им, в другом – Леда лежит и поддается объятиям лебеда.

Миф о Ледде стал «бродячим сюжетом» искусства эпохи Возрождения: в XV–XVI вв. к нему обращались Паоло Веронезе, До-

нателло, Антонио да Корреджо, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Тинторетто, Тициан, Бенвенуто Челлини и другие художники, трактуя его различным образом. Художники Возрождения, обращаясь к данному сюжету, предпочитали вариант «соития по согласию», трактуя его в контексте концепции божественной любви, сформулированной неоплатониками и изложенной философами круга Медичи (Марсилио Фичино, Пико делла Мирандолла и др.).

Согласно И. Тэну, в картине Леонардо отражена «тайна первобытных времен, глубокое родство между человеком и животным, смутное язычески-философское чутье единой и всемирной жизни...»; трагический гений Микеланджело увидел Леду «серьезной, почти суровой» – как «царицу колоссальной и воинственной расы» «с героическим торсом и неподвижным взглядом под нахмуренными бровями»; у Корреджо сцена превращается в купальню молодых девиц, где все «очаровывает и манит», прельщая «мечтой блаженства, пленительной грацией, полнейшим сладострастием»; сама Леда «увлеклась до того, что отдается с видимой радостью, улыбается, замирает от восторга, и роскошное, упоительное ощущение, веющее от всей этой сцены, достигает высшего своего предела в ее экстазе и в ее замирании» [13, с. 267–268]. Все три варианта трактовки сюжета («пленительная грация переполненного счастья, трагическое величие гордой энергии или глубина сметливой и утонченной симпатии», по мнению Тэна, оправданы, поскольку «все они отвечают какой-нибудь существенной стороне человеческой природы или какому-нибудь существенному моменту человеческого развития» [13, с. 268].

Следует отметить, что в эпоху Возрождения живописные произведения на эту тему в силу повышенного эротизма сюжета, встречали негативную реакцию со стороны наиболее ревностных последователей католической религии (так, была уничтожена картина Микеланджело, повреждена работа Корреджо и, вероятно, по той же причине утрачен шедевр Леонардо).

«Непристойный» сюжет сполна реабилитировали представители рококо (например, «Леда и Лебедь» Франсуа Буше, 1740–1741), неоклассицизма XVIII в. (например, «Нимфы, купающиеся с Ледой и

лебедем» Клодиона, ок. 1782), академизма XIX в. (например, «Леда и лебедь» Фредерика Лейтона (1862) [см.: 10], копиисты разных эпох.

Исследователи подчеркивают значимость античной мифологии в культуре и искусстве XX в. [см.: 9]. «Культура XX в., проникнутая духом революционных перемен и открытий... заряжена прямо-таки необоримым тяготением к мифу», – утверждает С.П. Батракова [2, с. 3]. С конца XIX в. в модерне и символизме тема «Леды и лебедя» стала наиболее распространенной метафорой духовности секса, эмблемой «торжествующей любви» [7, с. 158], а сама царица Спарты – одним из воплощений «Вечноженственного».

Символист Д.С. Мережковский в романе «*Воскресшие боги. Леонардо да Винчи*» (1900) и в стихотворении «Леда» (1894) подчеркивает, что сладострастная любовь «обнаженной» и «преступной» Леды порочна и прекрасна одновременно, как и результат этой связи – рождение Красоты (Елены Спартанской), «с невинной прелестью лица», но исполненной коварства и способной на измену, женщины, которая станет причиной трагедии (Троянской войны) [см.: 7, с. 158; 8, с. 131–132].

В произведениях европейской и североамериканской модернистской поэзии (У.Б. Йейтс («Леда и Лебедь», 1923), Р.М. Рильке («Леда», 1908), Д.Г. Лоуренс («Леда» и «Лебедь» 1928), ХД (НД – Хильда Дулитл) («Леда», 1919) сюжет трактуется как притча о божественном вдохновении – позитивном, порождающем влиянии, плодотворной встрече человеческой и божественной энергий, предлагая модель творчества, с одной стороны, утверждающую привилегированное положение поэта-визионера как посредника между божественной силой и человечеством, с другой стороны, в той или иной степени допуская его виктимизацию (насилие и доминирование божества) [см.: 19].

В живописи и графике наиболее известны работы Поля Сезанна (1880?1882), Макса Клингера (1912), Анри Матисса (1944–1946) и др. Многократно обращался к этому сюжету Густав Моро (акварели 1860-х – 1870-х гг.). Вдохновлял сюжет и скульпторов, которые изображали Леду как вместе с лебедем (Кай Нильсен (1918), Аюп Гюрджян (1922–1923), так и без него («Леда» Аристиды Майоля (ок.

1900), «Леда без лебедя» Кая Нильсена (1920)). Своеобразно интерпретирован сюжет в творчестве Сергея Коненкова: выполненные в дереве (березовые пни) «Леда» и «Лебедь» (1912–1914) представлены как отдельные фигуры, образующие единую композицию.

Целью данного исследования является выявление особенностей интерпретации античного мифа о Леде в творчестве скульптора Степана Дмитриевича Эрзы (1876–1959), дважды – в 1922 и в 1929 гг. – обращавшегося к этой теме. Нельзя сказать, что данный вопрос обойден вниманием исследователей, однако воплощение мифа о Леде в творчестве Эрзы рассматривается весьма кратко и вне контекста изобразительной традиции [см.: 14, 15].

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели использована методология культурологии и искусствоведения: сравнительно-исторический метод; иконографический метод, а также формально-стилистический анализ произведений скульптуры, включающий их интерпретацию (истолкование символики и смысла) и стилистическое определение. Источниками исследования являются подлинники обоих произведений скульптора на данную тему, находящиеся сегодня в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С.Д. Эрзы (далее – МРМИИ), а также материалы отечественной и зарубежной прессы 1920-х гг., содержащие отзывы на них.

Результаты исследования

Скульптор Степан Эрзя в своем творчестве неоднократно обращался к античной тематике. Среди его работ, созданных в разные годы, есть изображения исторических личностей и деятелей культуры, относящихся к этой эпохе. Им были созданы не менее трех портретов Сократа: первый – в гипсе (1911–1912, не сохранился), два других, выполненных в кебрачо (1940 и 1943), находятся в МРМИИ [см.: 5]. В 1914 г. в Италии, гостя на вилле известного беллетриста А.В. Амфитеатрова, под впечатлением от его романа «Зверь из бездны», он создает работу «Агриппина», мрамор, 1914, частная коллекция, Италия). Есть у

мастера работы, названия которых относят нас к античной мифологии («Калипсо» (стилизованный портрет балерины Марии Мроз, 1917, мрамор, МРМИИ; «Сфинкс», 1931, альгарробо, местонахождение неизвестно; «Голова Медузы», 1938, кебрачо и «Мельпомена», 1939, альгарробо, обе – Государственный Русский музей).

Несомненно, что Эрьзя был знаком с античными, ренессансными и более поздними изобразительными трактовками мифа – он знакомился с ними и во время учебы в Москве – в Строгановском училище и Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1901–1907), и в период пребывания в Италии и Франции (1907–1914). Вероятно, идея обратиться к рассматриваемому сюжету возникла у него в Европе. Не случайно вскоре после возвращения в Москву он создает небольшую скульптуру для камина, получившую условное название «Отдых» (1915, мрамор) [см.: 6]. По композиции она восходит к микеланджеловской «Ночи», трактуемой многими исследователями как изображение Леды (без лебедя) [см.: 1, с. 57].

Впервые работа под названием «Леда и Лебедь» (варианты: «Леда в объятиях Лебедя», «Леда») была создана Эрьзей в 1922 г. в Батуме. Материалом скульптурной группы размером 76×75×71 см стал кавказский орех.

Илл. 1. Слева: С.Д. Эрьзя. Леда и Лебедь. 1922, кавказский орех. МРМИИ; справа: С.Д. Эрьзя. Леда и Лебедь. 1929, кебрачо. МРМИИ

Оказавшись на Кавказе, ваятель пробует в качестве материала различные породы местных деревьев. Некоторые мемуаристы и исследователи биографии и творчества художника связывают это, прежде всего, с отсутствием мрамора [см., например: 3, с. 136]. Поправим, что в столице советского Аджаристана мастер работал в мраморе, но этот ценный материал использовался им лишь в произведениях, выполненных по заказу местного музея.

Илл. 2. С.Д. Эрзя в своей батумской мастерской.
На переднем плане в центре – скульптура «Леда и Лебедь». 1922

На сохранившихся фотографиях того периода мы видим Эрзю в его батумской мастерской, где находятся заказанные музеем портреты вождей мирового пролетариата и деятелей культуры Грузии. На переднем плане – два произведения, созданные скульптором «для души» в дереве: «Обнаженная» и «Леда и лебедь».

Скульптурная группа «Леда и лебедь» представляет собой сложную нерасчлененную замкнутую форму, образованную телами лебедя и сидящей обнаженной женщины, соединившихся в любовной ласке. Во фронтальном ракурсе доминирует тело пти-

цы, сзади – спина Леды. Отполированная до блеска поверхность обнаженного женского тела отражает свет, а слегка проработанное резцом оперение лебедя задерживает его, создавая впечатление трепетания крыльев.

Композиция в основе своей асимметрична, насыщена декоративными эффектами, контрастами объемов, вертикалей и горизонталей, угловатых и закругленных изгибов. В сочетании подвижных, изломанных линий доминирует S-образная, что было свойственно как ренессансным образцам воплощения образа царицы Спарты (например, в картине Леонардо), так и произведениям модерна. Ритмические линейные рифмы – длинной изогнутой шеи лебедя и овала склоненной вправо головы Леды, крыльев птицы и покатых плеч женщины – повторяются в мягком, певучем силуэте скульптуры.

Лицо Леды, представленное горельефно в профильном ракурсе, портретно, оно напоминает этюд «Женский портрет», датированный 1922–1923 гг. (орех, МРМИИ). Выполненные в одном и том же материале женские головы идентичны в решении прически, глазных впадин (различие в том, что у находящейся в плену любовной истомы Леды глаза закрыты, в портрете – открыты), линий бровей, припухлых щек, подчеркивающих юный возраст. Не вызывает никаких сомнений, что эти две работы выполнялись параллельно.

На диспуте, посвященном творчеству Эрзы, состоявшемся в 1925 г. в Баку, звучали и такие мнения: «Нужно ли это пролетариату? Будет ли довольна женщина из рабочего класса, если ее обнимет лебедь?» [цит. по: 3, с. 136]. Журналист С.Г. Пирвердиев, публиковавшийся под псевдонимом ПИР, писал в отклике на диспут: «Недопустимо преподносить массе в качестве ИДЕАЛА... фигуру лебедя и женщины, которые сплелись в диком, неестественном половом экстазе. Это... скульптурное произведение, по-моему, слишком гладит и нежит зрителя, настраивает его так, чтобы он вывалился в пуху и вате и отдался во власть самой извращенной, болезненной, но отнюдь не здоровой любви» [11].

Илл. 3. С.Д. Эрзя. Женский портрет. 1922–1923, орех. МРМИИ

Совершенно иначе была воспринята эта скульптура на выставках в Париже (1926–1927). В прессе отмечались, прежде всего, особенности формы произведения. Анри Фриш Эстранжен (выступавший под псевдонимом Н.Ф.Е.) писал в британской газете «The Daily Mail», что это одна из лучших когда-либо виденных им интерпретаций известного мифа, привлекавшего так много мастеров [17]. Джордж Бэл в американской газете «The New York Herald» подчеркивал, что Эрзя выразителен в дереве: «Голова Леды, очень красиво обвитая шеей лебедя в изящном изгибе, заслуживает высокой оценки» [16]. Чуть позднее, в критике Аргентины, куда Эрзя приехал в 1927 г., также утверждалось, что в этом произведении «много оригинальности и красоты»; Леда падает в

объятья лебеда, шелковистые перья которого «словно душат ее страстью» [18].

В 1929 г. в Аргентине художник вновь обращается к «крамольному» для пролетарского сознания сюжету, используя декоративные и пластические возможности обнаруженного здесь материала – кебрачо. При сравнении нового произведения размером 120'100'90 см с работой 1922 г. становятся особенно очевидными преимущества уникального субтропического дерева, ставшего достойным «соавтором» большого художника – кавказский орех явно уступает ему в богатстве фактуры и текстуры.

Следует отметить, что эта работа также выполнена почти одновременно с изображением классиков марксизма-ленинизма (сразу после того, как был создан двойной портрет Маркса/Ленина). Подобное «соседство» столь несовместимых по тематике работ мастера ничуть не смущает.

Вторая скульптура, как и первая, рассчитана на круговой обход. В батумском варианте лебедь доминировал во фронтальном ракурсе, в аргентинском – в заднем, где он практически полностью закрывает тело Леды; зритель видит лишь верхнюю часть ее спины, на которую ниспадают намеченные резцом волосы. Фронтальный аспект композиции гораздо «смелее» батумского варианта: он открывает поколенное изображение обнаженной женской натуры. Повторив изгиб крупного древесного фрагмента, ваятель вписал в его глубокое лоно сидящую фигуру женщины, накрыв ее голову, спину и левую ногу лебединым телом. Леда представлена в сложной, откровенно эротичной позе: фигура низко наклонена вперед, колени широко разведены, правая рука закинута к голове и согнута в локте, левая опирается на крыло лебеда. Изящные кисти рук женщины выделяются на фоне оперения птицы.

Скульптор тщательно прорабатывает поверхность юного женского тела. Плавные движения фигуры Леды подчеркиваются круглящими линиями намеченного обобщенным резцом стилизованного тела лебеда. Ее ангелоподобное невинное лицо с широко открытыми глазами выражает состояние транса. Черты лица Леды, как и в

батумском варианте, явно портретны, но очевидно, что моделью в данном случае стала уже другая женщина.

На персональной выставке Эрзы, проходившей в Москве летом 1954 г., после его возвращения на родину, не была представлена ни одна из «Лед». Общавшийся со скульптором профессор Московского университета Ю.К. Ефремов утверждал, что Эрзя отказался их показывать, помня о критике, прозвучавшей в его адрес в Баку: «Степан Дмитриевич так болезненно воспринял это поругание, что отказался показывать “Леду” на... выставке в Москве» [3, с. 136].

Однако не исключено, что скульптуры не были представлены на выставке не только из-за многолетней обиды старого художника. Вполне вероятно, что эти работы были «забракованы» выставочной комиссией ввиду их полного несоответствия эстетическим принципам социалистического реализма. Даже один из главных защитников Эрзы – писатель Борис Полевой увидел в обоих произведениях «признаки декаданса», отмечая, что в целом это не характерно для творчества мастера, который в данном случае «просто отдает... дань глубоко чуждым ему влияниям, дань моде, которую он не любил, но которой, по-видимому, не мог избегнуть» [12, с. 54]. С этой трактовкой невозможно согласиться: Эрзя почти никогда не делал того, чего делать не хотел.

Заключение

Произведения Эрзы под названием «Леда и лебедь» типичны для искусства модерна – как по избранному характерному сюжету, предоставляющему возможность показать обнаженное женское тело, так и по особенностям композиционного решения (сложное переплетение S-образных линий). В его основе – утверждение витальной энергии, любование жизнью, стремление запечатлеть в одной композиции мгновение и вечность. Лирико-поэтическая интерпретация сюжета далека от повествовательности, пластически-выразительная авторская концепция подчеркивает символичность образов. В обеих работах Леда полностью покоряется воле Зевса, вместе с тем в них нет намека на ее «виктимизацию». Находясь в поле притяжения стиля модерн и символизма, испытывавших особое тяготение к теме «Леда

и лебедь», С.Д. Эрзя в ее интерпретации тяготеет к индивидуальным решениям, иконографической нестандартности. Это проявилось в целом ряде черт, в частности, в оригинальности композиционных решений, в портретности облика героини (моделями обеих «Лед», безусловно, стали реальные женщины), в выборе ставшего «фирменным» для ваятеля материала – дерева, которое активно участвует в создании образа, подчеркивая связь человека с первозданной природной стихией, тождество природного и божественного.

Список литературы

1. Баранов А.Н. К вопросу о программе скульптурного ансамбля капеллы Медичи // Микеланджело и его время: сб. статей. М.: Искусство, 1978. С. 51–63.
2. Батракова С.П. Искусство и миф: Из истории живописи XX века. М.: Наука, 2002. 215 с.
3. Ефремов Ю. Встреча скульптора с писателями // Воспоминания о скульпторе С.Д. Эрзе. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 110–144.
4. Кёне Б.В. Описание двух древних серебряных ваз, хранящихся в императорском Эрмитажном Музее // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества, 1850. Т. 2. С. 193–263.
5. Ключева И.В. Образ Сократа в творчестве Степана Эрзи (Интерпретация культурно-исторического прошлого в искусстве модерна и символизма) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 1–2 (62–63). С. 4–9. <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/-pzn17-01/3280-a>
6. Ключева И.В. Работа С.Д. Эрзи «Отдых» в контексте скульптурной традиции // Наука и инновации в современном мире: сб. науч. статей / науч. ред. Е.Ю. Скляр. М.: Перо, 2020. С. 5–8.
7. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 3. М.: Тип. товарищества И.Д. Сытина, 1914. 362 с.
8. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 22. М.: Тип. товарищества И.Д. Сытина, 1914. 200 с.
9. Миф и художественное сознание XX века / [отв. ред. Н.А. Хренов]; Гос. ин-т искусствозн. М.: Изд-во «Канон+РООИ “Реабилитация”», 2011. 686 с.

10. Петровская Н.И. Миф о Зевсе и Леде в интерпретации Фредерика Лейтона // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 5. С. 201–205.
11. ПИР. О скульпторе Эрзя, котяхах и быте-кобыле // Пролетарское студенчество. 1925. – № 1, февраль.
12. Полевой Б. С. Эрзя (Степан Дмитриевич Нефедов). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 72 с.
13. Тэн И. Философия искусства. М.: Республика, 1996. 351 с.
14. Шибаков Н.И. Степан Дмитриевич Эрзя: проблемы творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 160 с.
15. Шпанкова Т.И. Своеобразие мифологических образов в творчестве С.Д. Эрзи // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 322–325.
16. Bal G. Paris Art Notes // The New York Herald. [New York]. 1927. Febr, 4.
17. H.F.E. A great Russian sculptor // The Daily Mail [London]. 1927. Febr., 5.
18. Maffei A. El escultor Stephan Erzia inaugurará su exposición el sábado próximo en Amigos del Arte // La Epoca [Buenos Aires]. 1927. Jun., 29.
19. Sword H. Leda and the Modernists // Publications of the Modern Language Association of America. Vol. 107. N 2 (Mar. 1992), pp. 305–318.

References

1. Baranov A.N. *K voprosu o programme skul'pturnogo ansamblya kapelly Medichi* [On the problem of the program of the Medici Chapel sculptural ensemble]. *Mikelandzhelo i ego vremya: sb. statej*. M.: Iskusstvo, 1978, pp. 51–63.
2. Batrakova S.P. *Iskusstvo i mif: Iz istorii zhivopisi XX veka* [Art and myth: From the history of twentieth-century painting]. M.: Nauka, 2002, 215 p.
3. Efremov YU. *Vospominaniya o skul'ptore S.D. Er'ze* [Memoirs of the sculptor S.D. Erze]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1972, pp. 110–144.
4. Kyone B.V. *Zapiski Sankt-Peterburgskogo arheologicheskono-numizmaticheskogo obshchestva*, 1850, vol. 2, pp. 193–263.
5. Klyueva I.V. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 2017, no. 1–2 (62–63), pp. 4–9. <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/-pzn17-01/3280-a>

6. Klyueva I.V. Rabota S.D. *Nauka i innovacii v sovremennom mire: sb. nauch. statej* [Science and innovation in the modern world: collection. scientific articles] / ed. E.YU. Sklyar. M.: Pero, 2020, pp. 5–8.
7. Merezhkovskij D.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]: v 24 t. T. 3. M.: Tip. tovarishchestva I.D. Sytina, 1914, 362 p.
8. Merezhkovskij D.S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]: v 24 t. T. 22. M.: Tip. tovarishchestva I.D. Sytina, 1914, 200 p.
9. Mif i hudozhestvennoe soznanie XX veka [Myth and artistic consciousness of the 20th century] / [ed. N.A. Hrenov]; Gos. in-t iskusstvozn. M.: Izd-vo «Kanon+ROOI “Reabilitaciya”», 2011, 686 p.
10. Petrovskaya N.I. *Aktual’nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2011, no. 5, pp. 201–205.
11. *Proletarskoe studenchestvo* [Proletarian students]. 1925. № 1, February.
12. Polevoj B. S. *Er’zya (Stepan Dmitrievich Nefedov)* [Erzya (Stepan Dmitrievich Nefedov)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1969, 72 p.
13. Ten I. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. M.: Respublika, 1996, 351 p.
14. Shibakov N.I. *Stepan Dmitrievich Er’zya: problemy tvorchestva* [Stepan Dmitrievich Erzya: problems of creativity]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1976, 160 p.
15. Shpankova T.I. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 1, pp. 322–325.
16. Bal G. Paris Art Notes. *The New York Herald*. [New York]. 1927. Febr, 4.
17. H.F.E. A great Russian sculptor. *The Daily Mail* [London]. 1927. Febr., 5.
18. Maffei A. El escultor Stephan Erzia inaugurará su exposición el sábado próximo en Amigos del Arte. *La Epoca* [Buenos Aires]. 1927. Jun., 29.
19. Sword H. Leda and the Modernists. *Publications of the Modern Language Association of America*, 1992, vol. 107, no. 2, pp. 305–318.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Клюева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Республика Мордовия,
430005, Российская Федерация
klyueva_irina@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Culturology and Library Information resources
*N.P. Ogarev National Research Mordovia State University
68, Bolshevistskaya Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005,
Russian Federation
klyueva_irina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>*

Поступила 02.09.2023

После рецензирования 15.09.2023

Принята 22.09.2023

Received 02.09.2023

Revised 15.09.2023

Accepted 22.09.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society – специализированный академический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам социокультурной жизни России, и представляющий результаты исследований ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0 по тексту
Рисунки	(1)
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Материалы и методы.

3. Результаты и обсуждение.

4. Заключение.

5. Информация о конфликте интересов.

6. Информация о спонсорстве.

7. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(<http://csjournal.ru/>)

Russian Studies in Culture and Society is a specialized academic peer-reviewed journal devoted to the topical problems of the life of the Russian society and culture, and presenting the results researches of scientists of the post-Soviet space and foreign researchers.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. **Introduction.**
2. **Materials and methods.**
3. **Results of the research and Discussion.**
4. **Conclusion.**
5. **Conflict of interest information.**
6. **Sponsorship information.**
7. **Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Э.Э. Ибрагимов, И.Э. Авдиль	4
ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЙ ПОЭТ: МАГ, ПРОВИДЕЦ ИЛИ СКАЗИТЕЛЬ Д.А. Ильгова	19
ГАБИТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ Б.Б. Подгорный	35
ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ТЕРРИТОРИИ: СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА М.А. Беляева	61
КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ПРЯМОЙ И ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ М.С. Лытов	80
НЕКОТОРЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СТАРОЕГИПЕТСКОЙ ЧАСТНОЙ ГРОБНИЦЫ Ф.И. Куликов	102
«ЛЕДА И ЛЕБЕДЬ» С.Д. ЭРЬЗИ (1922, 1929) В КОНТЕКСТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ И.В. Ключева	117
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	133

CONTENTS

FORMALIZATION OF THE CULTURAL HERITAGE MANAGEMENT MODEL AS A FACTOR OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION E.E. Ibragimov, I.E. Avdil'	4
THE OLD IRISH POET: MAGICIAN, SEER OR STORYTELLER D.A. Ilgova	19
HABITUAL STRUCTURE OF THE KALININGRAD REGION' POPULATION B.B. Podgornyy	35
THE GASTRONOMIC IMAGE OF THE TERRITORY: STRUCTURE AND SPECIFICITY M.A. Belyaeva	61
CULTURAL MEANINGS OF FORWARD AND REVERSE PERSPECTIVES IN FINE ART M.S. Lytov	80
REVISITING THE MECHANISMS OF FUNCTIONING OF THE ARTISTIC SPACE OF AN OLD EGYPTIAN PRIVATE TOMB F.I. Kulikov	102
«LEDA AND THE SWAN» BY S.D. ERZIA (1922, 1929) IN THE CONTEXT OF ARTISTIC TRADITION I.V. Klyueva	117
RULES FOR AUTHORS	133

